К26 2/38

Проф. Н. Н. ФАТОВ

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ОЧЕРК

ИЗДАНИЕ АВТОРА

МОСКВА — 1929 — АЛМА-АТА

К 26 2/3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Проф. Н. Н. ФАТОВ

К 26 2/38 859

ПУШКИН и ДЕКАБРИСТЫ

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ОЧЕРК

ИЗДАНИЕ АВТОРА

МОСКВА — 1929 — АЛМА-АТА

1-ая ТИПОГРАФИЯ
ПОЛИГРАФТРЕСТА
г. ВЛАДИМИР

9529
7-VI. 1929.

Гублит № 18. Тираж 5175 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра была написана мною осенью 1925 года, к столетнему юбилею декабрьского восстания, по предложению одного Московского издательства. Работа была сдана в срок, но когда издательство удосужилось ее рассмотреть, было уже «поздно»: к юбилею издать брошюрку не успели бы. Мне возвратили рукопись, не сочтя нужным даже оплатить труда, выполненного по срочному заказу издательства.

Недавно рукопись попалась мне на глаза, и я решил все же напечатать ее. Хотя юбилей давно прошол, но и личность Пушкина и дело декабристов вызывают к себе живой интерес и помимо юбилейных дат. Поэтому я полагаю, что моя брошюрка будет не бесполезна, тем более, что общедоступной литературы о Пушкине на книжном рынке почти не имеется.

При составлении настоящего очерка я пользовался общеизвестными работами М. Н. Покровского, ак. Сухомлинова, С. А. Венгерова и др., а также лекциями

П. Н. Сакулина. Принимая во внимание общедоступный характер брошюры, я не считал нужным делать ссылки на источники.

Массовому читателю такие ссылки не интересны, специалисты же легко сами увидят, что в этой работе опирается на существующую литературу, и что является плодом моих собственных изысканий и дум о великом поэте.

Автор.

Москва, 10-я годовщина
Октябрьской революции.

P. S. Предназначая настоящую книжку, главным образом, для педагогов и учащихся, я буду очень благодарен за присылку мне отзывов о ней по адресу: *г. Алма-Ата, Университет, проф. Н. Н. Фатову.*

Н. Ф.

Алма-Ата,
1928, X, 25.

Сто лет назад.

Сто лет назад, 26 (14)[1] декабря 1825 года, совершилось знаменательное событие: несколько полков, под предводительством своих офицеров, вооружонные, вышли на Сенатскую площадь в Петербурге и подняли знамя восстания против царского самодержавия.

Революционная вспышка была подавлена в тот же день. У восставших не было ясного плана захвата власти; они действовали и неуверенно, и несогласованно; вожди не сумели проявить необходимой энергии и решительности, не отважились в нужный момент перейти в наступление... Пушки Николая I разогнали картечью повстанцев.

—Пятеро главных вождей-революционеров—

Павел Иванович Пестель,
Кондратий Федорович Рылеев,
Сергей Иванович Муравьев-Апостол,
Петр Григорьевич Каховский,
Михаил Павлович Бестужев-Рюмин—

были повешены; остальные — более сотни — сосланы на каторжные работы в рудники далекой Сибири.

Эти первые мученики в борьбе с самодержавием получили прозвание декабристов.

---

[1]) В XIX столетии старый стиль отставал от нового на 12 дней, а не на 13, как теперь. Выступление декабристов происходило 26-го дек. нов. ст., а не 27-го, как можно было бы подумать, механически переводя со старого 14-го декабря на новый стиль.

Они были тою «искрой», из которой потом «возгорелось пламя» нашего революционного движения. Они первые показали, что борьба с самодержавием возможна, и что эту борьбу надо вести с оружием в руках, а не надеяться на «царские милости»; они подали пример для следующих поколений русских революционеров.

И мы теперь, через сто лет, свергнув иго не только самодержавия, но и буржуазии, не можем не вспомнить с чувством благодарности и уважения об этих пионерах революции, хотя многое во взглядах декабристов нам сейчас покажется чуждым и неприемлемым.

Кто же такие были декабристы, какова была их программа и во имя чего они шли на восстание?

Сто лет назад господствующим классом в России было дворянство. Оно владело огромными имениями и, кроме того,—даровыми рабочими руками. Крепостное право давало возможность помещикам пользоваться крестьянами, как рабочим скотом. Правительство всецело поддерживало интересы дворянства. Из рядов дворянства выходили высшие чиновники—министры, сенаторы, губернаторы. Дворянство занимало все командные должности в армии. Государство было классовым дворянским аппаратом, очень откровенно построенным в целях угнетения и эксплоатации огромного большинства народа во имя благосостояния привилегированного дворянского меньшинства. Но формально участие дворянства, как класса, в управлении государством не было закреплено в законах. Правительство подчинялось не представителям дворянства, а царю, который считался неограниченным самодержцем. Если на престоле был человек толковый и сообразительный—он понимал, что править можно, только опираясь на господствующий класс,

всячески служа его интересам. Так правила «дворянская царица» Екатерина II, при которой дворянство получало всякие «вольности», льготы и «благоденствовало». Когда же власть попадала в руки лицу, недостаточно расчотливому и дальновидному, каким был, например, Павел, который, отличаясь к тому же невероятным самодурством и жестокостью, пытался иногда править, действительно «самодержавно», не всегда считаясь с интересами господствующего класса и раздражая приближонных взбалмошными строгостями,—дворянство чувствовало себя обиженным и начинало таким правителем возмущаться, но не имело законных средств воздействия на него. На Павла пришлось «воздействовать» способом не совсем «конституционным»—он был прикончен группою пробравшихся во дворец высокопоставленных заговорщиков.

Наше дворянство в то время не представляло собою однородной массы, которая бы вся жила одними настроениями и пожеланиями. Дворянство мелкопоместное, которое занималось управлением своими имениями или служило на разных теплых местах, было, в общем, вполне довольно своим положением. По своей малокультурности оно неспособно было разбираться в вопросах общегосударственной политики, не могло предвидеть дальнейшего хода событий и наивно было убеждено, что существующий порядок крепок и навеки нерушим, что «самим богом» одни поставлены в господа, а другие сделаны их «холопами». Это дворянство предавалось в своих поместиях «невинным удовольствиям», как выразился историк Карамзин,—в полной уверенности, что власти, «от бога и царя поставленные», всегда поддержат их, помещичьи, интересы, всегда помогут им обуздать «мужиков», если бы последние вздумали проявить какое-либо недовольство. Потребности у этого дворянства были не особенно большие: покойная,

сытая жизнь, пиры и охота, возможность неограниченно властвовать над своими рабами и исполнять свои прихоти—все это они имели, и о большем не мечтали.

Другое дело—дворяне передовые, наиболее богатые и культурные. Они жили в столицах, бывали за границей, занимали высокие должности, постоянно приходили в соприкосновение с верховной властью. Потребности и стремления у этой части дворянства были очень широкие. Более дальновидные представители этого передового дворянства учитывали возможность дальнейшего экономического развития России. Хотя они и владели нередко колоссальными имениями и сотнями тысяч крепостных рук—средств на роскошную жизнь часто не хватало; становилось ясным, что устаревшее крепостное хозяйство, которое велось обычно хищническими и крайне некультурными способами, дает относительно мало дохода. Эта часть дворянства была заинтересована в торговле с заграницей, в развитии фабрично-заводской промышленности. Богатые дворяне начинают строить фабрики, при чом убеждаются, что «вольный» рабочий люд для них выгоднее своих крепостных—за деньги рабочий будет лучше работать, чем раб из-под палки. Кроме того, нанятого рабочего можно в любой момент прогнать, крепостного же, как ни как, а все-таки надо было кормить, да еще с семьей.

Крепостной, полуфеодальный, порядок уже явно отживал свое время, так как перестал соответствовать хозяйственным потребностям России, все более и более втягивавшейся в торговый оборот с Западной Европой. Россия уже стояла на пороге буржуазно-капиталистической эры. Передовое дворянство учитывало это и стремилось к повороту самодержавно-крепостных отношений на буржуазно-демократические рельсы.

Передовое дворянство было прекрасно осведомлено о том, как обстоят дела за-границей, напр., в Англии, где власть находилась и формально в руках представителей господствующего класса, который, через поставленных им министров, принимает непосредственное и организованное участие в управлении.

Неудивительно, что существовавший в России самодержавный строй не вполне удовлетворял это передовое дворянство. Оно не прочь было установить такую «конституцию», при которой могло бы управлять страной не через самодержавного царя, а н е п о с р е д с т в е н н о, через своих депутатов в парламенте; оно желало, чтобы власть и интересы господствующего класса были бы официально закреплены в законе. Передовое дворянство готово было пойти на отмену крепостного права, чтобы сохранить за собою земли и богатства, иметь всегда под руками дешовых голодных рабочих, и таким путем все более и более увеличивать свои доходы и свою власть.

Разумеется, все это прикрывалось высокими словами о «свободе и равенстве», о «борьбе с тиранством» и «правах человеческой личности», при чом многие, наиболее передовые и наиболее честные деятели того времени, были вполне искренно убеждены, что они не преследуют узко-классовых интересов, хотя на деле они никогда их не забывали, очевидно, сами того не замечая.

Свои мысли о преобразовании государственного строя передовое дворянство пыталось осуществить еще в первые годы царствования Александра I мирным путем—путем воздействия на молодого царя. Но Александр I, хотя и не мало говорил в то время о конституционных реформах, на деле не особенно охотно шол на ограничение своей власти. «Либеральничал» он лишь в первые годы своего царствования, а затем, учитывая настроения среднего и мелкопо-

местного дворянства, которое составляло огромное большинство класса и которое было чуждо всяких конституционных мечтаний, вполне довольное своим теперешним положением,—он постепенно отдалил от себя своих либеральных советников, а их проекты положил «под сукно». Тут как раз Россия вошла в полосу мировых событий—разразились наполеоновские войны. Делами внутреннего преобразования было бы и невозможно заниматься. А после победоносного окончания войны, Александр почувствовал свое положение более прочным, мог опереться на явно реакционные и патриотически настроенные широкие слои «свободного» населения,—и начался дикий разгул реакции—в эпоху знаменитой аракчеевщины; начались свирепые гонения на печать и просвещение[1]. Всякие надежды на мирное преобразование государственного строя рухнули.

Передовое дворянство, преимущественно военная молодежь, стало настраиваться явно противоправительственно. Появились тайные общества, члены которых стали обсуждать планы нового государственного устройства и постепенно приходили к мысли о необходимости и единственной возможности осуществить свои планы революционным путем. Большое влияние на эту передовую молодежь имело пребывание за границей во время похода 1813-1815 г. г.

И общая культурность Западной Европы по сравнению с тогдашней Россией, и отсутствие там крепостного рабства, и сравнительное благосостояние населения, и особенно революционная настроенность передовой молодежи в Германии,—все это соответствующим образом направляло их умы. Возможность-сравнить русскую действительность с западно-европей-

1) Характеристику этой эпохи см. в моей статье «Сто лет назад» в сборнике «Кинжал», изд. «Молодая Гвардия» М.-Л., 1927 г.

ской приводила к убеждению в необходимости положить свои силы на изменение царивших тогда в России порядков.

Все это в результате и дало то движение, которое привело к декабрьскому восстанию.

Какой-либо определенной программы, даже сговоренности по основным вопросам у декабристов не было. Они не представляли собою сплоченной группы, и в их преобразовательных планах находили отражение стремления разных слоев дворянства. Но при всем разнообразии мнений можно уловить два основные оттенка, нашедшие свое выражение в двух замечательных произведениях, в которых изложены были преобразовательные планы декабристов—в «Конституции» Никиты Муравьева и в «Русской Правде» Пестеля.

Муравьев мыслил Россию конституционной монархией с федеративным устройством. Верховная власть принадлежит народу, который «утверждает» на троне каждого нового царя и управляет через своих депутатов, составляющих Народное Вече (парламент); все граждане объявляются свободными, крепостное право отменяется. Но за этими свободолюбивыми как-будто пунктами скрывалось определенно классовое дворянско-буржуазное лицо. Выбирать в Народное Вече, по мысли Н. Муравьева, оказывается, могли только б о г а т ы е—лица, имеющие недвижимую собственность, оцениваемую в 5000 руб., или движимую—на 10.000 руб. Впрочем, власть и этих собственников была бы на деле призрачной, так как над Народным Вечем Н. Муравьев проектировал учредить еще «верхнюю палату», в которой могли занимать места лишь лица, имеющие недвижимости на 30.000 р., или движимое имущество на 60.000 р., т.е. фактически власть отдавалась н а и б о л е е б о г а т о м у д в о р я н с т в у и б у р ж у а з и и, а так как последней в то время в России почти не было,

то подлинными правителями страны по проекту Н. Муравьева являлись бы наиболее богатые помещики. Дворянам оставлялась и вся земля. Первоначально Н. Муравьев предполагал «освободить» крестьян вовсе без земли, но затем пришол к мысли о необходимости дать им ничтожный надел—по 2 дес. на двор,—чтобы у помещиков всегда были под боком дешовые рабочие руки или находящиеся в безвыходном положении арендаторы.

Этот проект отражал стремления передового и наиболее богатого дворянства, которое учитывало неизбежность буржуазного прогресса, которое и само не прочь было превратиться в фабрикантов и поставщиков хлеба и сырья на иностранный рынок, и в то же время не желало расставаться со своими поместьями.

Другие слои представлял Пестель. В его лице мы уже видим в значительной степени «деклассированного» дворянина (он и лично был человеком очень небогатым), представителя нарождающейся тогда в России мелко-буржуазной демократии, учитывающей, до некоторой степени, и интересы крестьянства. По составленной Пестелем «Русской Правде» Россия объявлялась республикой (но, в отличие от проекта Муравьева, стоявшего за федеративное устройство—с единой централизованной властью), все граждане которой получали одинаковые политические права. Наиболее богатые, по Пестелю, не только не пользовались никакими преимуществами, но излишки земель у них должны были быть конфискованы—у помещиков, имевших свыше 10.000 десятин земли,—безвозмездно, у помещиков, имеющих от 5 до 10 тысяч десятин,—за частичное вознаграждение, и у помещиков, имеющих менее 5 тысяч десятин,—за полное вознаграждение. Конфискованные земли составляют государственный фонд, из которого наделяются нуждающиеся. Пестель ненавидел богачей и дво-

рян-аристократов, но людей среднего достатка он «обижать» не хотел. Его проект, конечно, гораздо более радикален, чем проект Никиты Муравьева; не даром некоторые видят в мыслях Пестеля даже кое-какие социалистические зерна. Во всяком случае, в лице Пестеля мы имеем наиболее демократически настроенного мыслителя-декабриста.

Неудача восстания оставила все эти предположения на бумаге, и только спустя несколько десятилетий, после Севастопольского разгрома, правительство, под давлением все ухудшающегося экономического положения, приведшего Россию к глубокому кризису, в интересах переходящего к буржуазным формам хозяйства дворянства, пугаясь восстаний доведенных до крайней степени обнищания народных масс, вынуждено было осуществить некоторые предположения декабристов.

Сейчас было бы нелепо сожалеть о неуспехе декабристов. Разумеется, если бы им удалось захватить государственную власть и провести намеченные преобразования, Россия быстрее бы пошла по пути буржуазного прогресса, не знала бы многих ужасов Николаевского царствования; быть может, многое и другое в позднейшей ее истории не имело бы места. Но, с другой стороны, эта победа упрочила бы буржуазный порядок в России, и, стало быть, сделала бы более затруднительной победу пролетариата в нашу эпоху.

Да и едва ли возможен был прочный успех декабрьского восстания. Декабристам не хватало опыта, уменья и возможности привлечь на свою сторону даже широкие круги дворянства, не говоря уж об отсутствии веры в народные массы. Все это представляло собою серьезнейшее препятствие к упрочению в то время конституционно-демократического строя после переворота, если бы он удался.

Но колоссальное значение имеет то обстоятельство, что декабристы сумели впервые поколебать твердыню царского трона; огромную агитационную роль сыграли их призывы на борьбу с «тиранством» и «самовластием», их стремленье сокрушить крепостничество, пропаганда ими демократических идей. В этом смысле декабристы являются предшественниками нашего поколения, сокрушившего царизм.

2

А. С. Пушкин — певец декабризма.

Условия, в которых декабристам приходилось работать до восстания, были крайне неблагоприятны. У них не было никакой возможности широко пропагандировать свои взгляды. Дело ограничивалось лишь разговорами в узком кругу, среди членов тайных обществ. Агитировать перед широкой аудиторией устным или печатным словом — в то время было совершенно немыслимо.

Поэтому особое значение приобретала тогда агитация путем художественного творчества. Свободолюбивое стихотворение, направленное против самодержавия или крепостничества, хлесткую эпиграмму, в которой поэт высмеивал кого-либо из царских палачей, легко можно было заучить наизусть, переслать в письме, распространить в сотнях списков. Некоторые из декабристов и сами были поэтами, напр., К. Ф. Рылеев, А. Одоевский. Но особую службу сослужили им стихотворения молодого А. С. Пушкина.

В тайные общества он не входил, и «декабристом» в собственном смысле этого слова его назвать нельзя. Но взгляды декабристов на необходимость

преобразования России в буржуазно-демократическом духе им всецело разделялись, и он справедливо может быть назван *певцом декабризма*, его поэтом-агитатором.

Пушкин по рождению и воспитанию принадлежал к той же социальной среде, из которой вышли многие декабристы. Двое из них—Пущин и Кюхельбекер—были его школьными товарищами. Со всеми главными вождями декабризма, в том числе с Рылеевым, Пестелем, бр. Бестужевыми, Орловыми, Трубецкими, Н. Тургеневым и другими, Пушкин был близко знаком и со многими находился в дружески-приятельских отношениях. Взгляды их в общих чертах были ему хорошо известны.

Естественно возникает вопрос,—почему же Пушкин не был членом тайных обществ и не принял участия в восстании. Относительно последнего—ответить не трудно: во время восстания Пушкин находился в ссылке в с. Михайловском, Псковской губернии, и в силу этого быть с декабристами не мог[1].

Что же касается причин невхождения Пушкина в тайное общество, то точных данных у нас на этот счот нет. Несомненно одно: Пушкин долгое время определенных сведений о существовании тайных

---

[1]) Впрочем, есть любопытное свидетельство о том, что как раз накануне восстания Пушкин тайно поехал в Петербург, но вернулся с дороги обратно, находясь, повидимому, в состоянии крайней нерешимости. О дне восстания он, без сомнения, точных сведений иметь не мог, но до него доходили слухи о происходящем в столице в недели междуцарствия, и ему могла притти мысль тайно пробраться в Петербург и, быть может, стать участником надвигающихся событий. Не менее любопытны и другие сведения, согласно которым Пушкин, когда его вызвал к себе Николай I, на заданный царем в упор вопрос, был ли бы он 14-го декабря на площади вместе с «бунтовщиками», если бы находился в столице, не колеблясь ответил, что был бы.

обществ не имел, лишь догадывался о них и сочувствовал им; более того,—желал войти в ряды революционеров, но его туда не принимали. Декабрист Якушкин сохранил чрезвычайно интересное воспоминание о совместном пребывании с Пушкиным в имении Раевских[1]—Каменке, где собралось несколько членов тайного общества:

> Раевский, не принадлежа сам к Тайному обществу, но подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все, происходившее вокруг него,—рассказывает Якушкин.—Он не верил, чтобы я случайно заехал в Каменку, и ему очень хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского на счот того, принадлежим ли мы к Тайному Обществу или нет... Для большего порядка в наших прениях был выбран президентом (т. е. председателем, *Н. Ф.*) Раевский... После долгих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение Тайного Общества в России. Сам он высказал все, что можно было бы сказать за и против Тайного Общества... Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую бы могло принести Тайное Общество России[2].

Наконец, Якушкин задал Раевскому вопрос, присоединился ли бы он к тайному обществу, если бы оно уже существовало. Тот отвечал утвердительно.

> В таком случае, давайте руку, сказал я ему,—вспоминает Якушкин.—И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: разумеется, все это только одна шутка. Другие тоже смеялись, кроме А. Л. (Давыдова),.... который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился. что Тайное Общество или существует,

---

[1]) Друзья Пушкина: их было два брата и три сестры. Старшая — Екатерина—была замужем за М. Ф. Орловым, а младшая—Мария, в которую был влюблен Пушкин—вышла замуж за кн. Волконского, известного декабриста.

[2]) Подчоркнуто здесь и ниже мною. *Н. Ф.*

> или тут-же получит свое начало, и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка—он встал, раскрасневшись, и сказал со слезами на глазах: я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел мою жизнь облагороженною и высокую цель перед собою, и все это была только злая шутка. В эту минуту он был точно прекрасен.

Но почему же декабристы не пустили в свою среду поэта? Обычно полагают, что они не особенно ему доверяли, считая его молодым человеком, в достаточной степени легкомысленным и не способным на столь серьезную и ответственную работу, как участие в обществе заговорщиков. По словам декабриста Горбачевского, вождями общества «было запрещено знакомиться с Пушкиным, а почему? Прямо было указано на его характер». Менее определенно, но в том же духе высказывается и близкий друг поэта Пущин.

Когда он вступил в тайное общество, то сначала, по его словам, думал «открыться Пушкину» и увлечь его с собою. Но в это время Пушкина не было в Петербурге.

> Впоследствии,—пишет Пущин,—когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался вверить ему тайну, не мне принадлежащую, где малейшая неосторожность могла бы быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня.

Пушкин затруднял Пущина вопросами, от которых тот—

> как умел, отделывался, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели.

Когда Пущин навестил опального поэта в с. Михайловском в январе 1825 года, то опять разговор зашол о тайном обществе. Очевидно, к тому времени Пушкин кое-что уже знал, и Пущин не счол нужным

отпираться более, но не считал возможным и откровенничать; он лишь сказал поэту, что не один он «вступил в это новое служение отечеству». Пушкин задал несколько вопросов, но потом сказал:

— Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою,—по многим моим глупостям...

Есть и другое предположение. Полагают, что близкие к Пушкину декабристы, ценя его, как исключительного поэта, не желали завлекать его в опасное дело, которое могло бы его погубить, тем более, что он и так этому делу был полезен своими стихами[1].

Обращаемся к ним.

В стремлениях декабристов, при всей их несогласованности, наиболее ярко выделялись три основные пункта:

1) изменить политическую систему в России: самодержавного царя, деспота, „тирана“ заменить ограниченными народными представителями главою государства; уничтожить систему административно-полицейского произвола, уничтожить ненужные военные, цензурные и иные строгости и т. д.,— одним словом, ликвидировать все то, что мешало переходу России на буржуазные рельсы, и способствовать насаждению буржуазно-демократической системы;

2) изменить социальный строй России, путем уничтожения крепостного права, казавшегося передовым умам «варварским», так как феодально-

---

[1]) О мыслях и настроениях самого поэта, мог бы рассказать его дневник, который он вел в Михайловском, и который был им уничтожен после получения известия о разгроме восстания. Лишние доказательства—сочувственного отношения Пушкина к декабристам и их идеям.

крепостные отношения не соответствовали уже новым требованиям экономики, и

3) способствовать развитию культуры и просвещения в России, для политико-экономического развития которой требовалось большое количество достаточно-образованных людей.

По всем этим трем пунктам Пушкин вел энергичную стихотворную агитацию, частью сознательно, частью бессознательно выявляя настроения передового, тянущегося к «обуржуазиванию» дворянства.

Еще в детстве Пушкин был настроен либерально. Чтение французских писателей 18-го столетия— знаменитого сатирика Вольтера и других—способствовало развитию «свободомыслия» поэта. В царскосельском лицее, где учился Пушкин, была обстановка довольно свободолюбивая, хотя это и было учебное заведение с ярко выраженным придворно-аристократическим классовым характером. Среди лицейских учителей был брат знаменитого деятеля французской революции Марата—де-Будри (фамилию ему еще Екатериной II приказано было изменить), который вселял ученикам преклонение перед идеалами и вождями «Великой Французской Революции». Другой молодой профессор—недавно вернувшийся из Германии—Куницын, преподававший лицеистам философские и юридические науки, был также настроен довольно прогрессивно. В эпоху реакции, в 1820 г. (Пушкин кончил лицей в 1817 г.) его книга «Естественное право» была по постановлению правительства уничтожена, и сам Куницын лишон кафедры за «вольномыслие». В этой книге попадались, напр., такие утверждения:

> Употребление власти общественной безо всякого ограничения есть тиранство, а кто оное производит, есть тиран.

Или:

Никто не может приобресть право собственности на другого человека ни против воли, ни с его на то согласия—ибо право личности неотчуждаемо.

Никто не имеет права употреблять кого-либо из сограждан, как средство или простую вещь для себя.

И т. д.

По тем временам такие фразы были, конечно, совершенно не совместимы с «существующим строем» и вполне гармонировали с настроениями декабристов.

Куницын отличался хорошими ораторскими способностями и умел увлекать учеников. Пушкин сохранил о нем благодарную память, и в стихотворении, написанном в день празднования годовщины открытия лицея—19 октября 1825 года, посвятил ему такие строки:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжжена...

Большое влияние оказывали на лицеистов и жившие в Царском Селе гусарские офицеры, из среды которых вышли потом многие декабристы. Среди этих офицеров был знаменитый впоследствии философ Чаадаев[1], с которым Пушкин был особо дружен.

Играло роль и соседство с царским «двором», благодаря чему до лицеистов легко доходили всякие слухи и сплетни о жизни Александра I, а это способствовало явно насмешливому и непочтительному отношению к его личности.

---

[1]) Он в декабрьском движении не участвовал, находясь в это время за границей. Впоследствии его взгляды несколько изменились, но, когда дружил с ним Пушкин, он был настроен враждебно против самодержавия и крепостничества.

Таким образом, почва для противоправительственных или «возмутительных», как их тогда называли, стихов была готова.

Живя в лицее, в полном довольстве и комфорте, отрезанный от остального мира, Пушкин более всего интересовался литературой и любовными похождениями, но все же и в лицее он ненавидел «тиранство». Об этом свидетельствует хотя бы его стихотворение «Л и ц и н и ю».

Поэт переносит действие в древний Рим и мечет громы против тирана-временщика, который подчинил своей власти свободных ранее граждан:

... Отчизны стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь!.. О стыд, о времена!..
О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья
Предвижу грозного величия конец....
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободный Рим возрос, а рабством погублен!»

Это писал в 1815 г. шестнадцатилетний юноша, выражая охватившее тогдашнюю передовую дворянскую молодежь чувство ненависти к тиранам, к рабству, и преклонение перед туманным идеалом свободы. Читатели невольно видели в фигуре «тирана» намек на Аракчеева, хотя, быть может, Пушкин и не имел непосредственно его в виду.

Гораздо ярче выразились настроения Пушкина после окончания им лицея, когда он в 1817 г. попал в Петербург и на свободе жадно впитывал в себя все, чем жило тогда передовое столичное общество.

Уже говорилось, что эти годы были знаменательной эпохой. Тут как раз складывались тайные политиче-

ские общества. Дворянская молодежь, вернувшаяся из-за границы, понимала, что невозможно дольше жить, не имея перед собой никаких возвышенных целей. Невозможно стремиться лишь к личному благу, к утехам любви, к славе и т. д.—надо служить обществу—«отчизне». Это настроение, охватившее тогда многих, Пушкин передал в знаменитом «Послании к Чаадаеву» (1818):

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тешил нас обман:
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман.
Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.

Эти строки прекрасно характеризуют господствовавшее тогда в кругах будущих декабристов настроение. Не имея определенной программы, не представляя еще точно, в чом и для кого должна заключаться эта «свобода», наша пылкая молодежь тогда жила более чувством, чем разумом, и сравнение порыва к свободе с настроениями влюбленного юноши,—очень удачно. Стихотворение заканчивалось знаменитыми строками.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена!

Девяносто девять лет звучало пламенным призывом это пророчество поэта. Только через девяносто девять лет твердыня «самовластья» была разрушена. И трогательно было видеть в первые дни революции 1917 г. у памятника Пушкина на Тверском бульваре красный стяг, на котором чья-то благодарная рука написала огненные слова поэта:

Товарищ, верь: взойдет она
Заря пленительного счастья—
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена...

Еще раньше «Послания к Чаадаеву», ровно за сто лет до нашей революции, в 1817 году, Пушкин написал свою знаменитую «оду на свободу»—стихотворение «Вольность».

Ода эта написана в старинных классических тонах. Поэт гонит от себя «богиню наслаждения»—«Цитеры слабую царицу» и призывает на помощь—«грозу царей»—«певицу свободы»:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру!
Хочу воспеть Свободу[1] миру,
На тронах поразить порок.

Юноша-поэт (ему было в то время всего 18 лет)—обращается ко всем деспотам, тиранам и самодержцам:

Питомцы ветренной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!..

---

[1]) Сохраняю характерное для Пушкина правописание некоторых слов с прописной буквы. *Н. Ф.*

Смотря вокруг, поэт видит горестную картину: все страдают под гнетом тиранов:

Увы! куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы.
Законов гибельный позор[1],
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела—Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Везде подданные проклинают своих царей, потому что они не исполняют законов справедливости. Впрочем, кое-какие исключения есть—в виде такой «свободной» страны, живущей по «равным для всех законам», Пушкину рисовалась, повидимому, Англия:

Лишь там над царскою главой,—говорит поэт,—
Народов не легло стенанье
Где крепко с Вольностью Святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит[2],
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.

И опять поэт обращается к властителям:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон,—а не Природа
Стоите выше вы Народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль Народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

---

[1]) Т. е. везде позорно не исполняются законы. *Н. Ф.*

[2]) Т. е., где законы служат верным щитом, защищающим граждан от произвола власти. И дальше—«их» везде означает «законы».

Это преклонение перед каким-то выше всех людей стоящим «законом» очень характерно для взглядов той эпохи. Тогда полагали, что нормы справедливости могут быть выведены из свойств человеческой натуры и, что на основании этих норм, можно составить справедливые законы, которым и должны все подчиняться—и цари, и народ. В таком духе излагалось и то «естественное право», которое читал Куницын лицеистам. И Пушкин полагал, что «законы» выше не только царей, но и народа.

Взгляды эти являются ошибочными. Мы теперь знаем, что никаких отвлеченных законов справедливости быть не может. Законы пишутся людьми, и пока существует разделение общества на классы, из которых одни являются привилегированными, другие подчиненными,—законы пишутся в интересах господствующих классов. «Равенство», которое провозглашают законодатели, является следствием стремления сохранить в обществе гражданский мир, и по существу не есть равенство, а лишь замаскированная форма угнетения. Когда приходит к власти новый класс, он отменяет старые законы и создает свои. Всего этого не знал Пушкин и потому пропел такой, с нашей точки зрения, неуместный гимн «законам вообще». Но тот протест, который заключался в этих словах, протест против всяких проявлений своеволия и самодурства со стороны власть имущих, против постоянных случаев обхода законов и несоблюдения их, от чего интересы угнетенных еще более страдали,—имел, конечно, огромное положительное значение.

Желая показать царям, сколь необходимо для них соблюдение закона, Пушкин приводит два примера, чтобы цари понимали, до чего доводит их неуважение к закону—казнь Людовика XVI во Франции

и убийство Павла у нас,—и заканчивает свою оду такими словами:

И днесь учитесь, о цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды,
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

На наш взгляд эта ода может показаться весьма умеренной. Ведь в ней Пушкин даже не высказывается против царской власти. Он лишь возмущается беззаконными царями и полагает, что если цари будут править справедливо, по законам, дадут своим народам «вольность и покой», то их троны окажутся «вечно» в безопасности. Признавая расправу с царями вызванной необходимостью и самих царей достойными этой расправы—порфиру Людовика XVI Пушкин называет «злодейской»:

И се—злодейская порфира
На галлах скованных лежит;

Павла—именует «тираном», «злодеем»—

Погиб увенчанный злодей,—

Пушкин, однако, самый факт убийства не оправдывает. Нож гильотины, отрубивший голову Людовика, для поэта—«преступная секира»:

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства.
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон—Народ молчит,
Падет преступная секира...

Убийц Павла Пушкин также рисует чорными красками:

... в лентах и звездах
Вином и Злобой упоенны
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!..
Как звери, вторглись янычары...
Падут бесславные удары—
Погиб увенчанный злодей...

По существу, в этой оде Пушкин является умеренным конституционным монархистом, отражая настроения монархической части декабристов. Но тем не менее, в то время эта ода производила очень сильное и революционное впечатление, так как очень нелестными выражениями поносил в ней Пушкин самодержавцев. Слова «увенчанный злодей» «тиран» и т. д., адресуемые к царям, заставляли даже забывать о монархических взглядах автора. Особенно сильное впечатление производила одна строфа оды:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия Народы.
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Эти строки, повидимому, были обращены к тиранам вообще, без определенного применения к какому-либо властителю. Впоследствии некоторые наивно полагали, будто в этих строках Пушкин изобразил.... Николая I. Не беда, что они написаны в то время, когда Николай даже и не мечтал быть царем,—они служили хорошей агитацией и впоследствии в николаевскую эпоху. Они же подогревали настроения и декабристам. Никто не замечал (да, вероятно, и сам Пушкин) и того противоречия, которое получалось—в одной и той же оде поэт не одобрял

убийств и говорил, что он с «жестокой радостью» видит «погибель» не только самого тирана, но даже и «смерть детей» его.

Впрочем, мы бы глубоко ошиблись, если бы подумали, что высказанные в этой оде «монархические» взгляды Пушкина были, действительно, его глубоким, продуманным убеждением. Ведь поэт был в то время 18-тилетним юношей и твердых, до конца продуманных, убеждений у него еще не было. Любопытно, что в других произведениях он признает политический террор и даже не раз в полушутливой форме высказывается за желательность убийства Александра I.

По словам Пущина, как-то в Царском Селе произошло такое событие: сорвался с цепи медведь—

> и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарло[1] и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин, при этом случае не обинуясь, говорил: «нашолся один добрый человек, да и тот медведь».

Однажды во время ледохода Пушкин—

> во всеуслышание в театре кричал: «теперь самое безопасное время—по Неве идет лед». В переводе: «нечего опасаться крепости»...

В другой раз Пушкин также в театре показывал портрет казненного французского революционера-террориста Лувеля, убившего герцога Беррийского, с собственноручной надписью: «урок царям».

> Конечно, болтовня эта—вздор,—замечает Пущин,—но этот вздор, похожий на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие дальнейшее свое разви-

1) Собака. *И. Ф.*

тие, следовательно, и тут даже некоторым образом достигалась цель[1], которой он несознательно содействовал.

Во время подготовки декабрьского восстания вопрос о цареубийстве многими, напр. Пестелем, Луниным, Каховским, ставился очень определенно; другие высказывались против, иные колебались. Агитация Пушкина, конечно, не могла не иметь своего значения.

Нередко высказывался Пушкин и за республику:

Он всегда согласно со мною мыслил о деле общем—(res publica)[2] замечает Пушкин,—по своему проповедывал в нашем смысле—и изустно, и письменно, стихами, и прозой.

Любимый герой из древней истории для Пушкина — римлянин Брут, убивший Юлия Цезаря, когда тот подчинил своей диктатуре республику.

Ты в Риме был-бы Брут,—

говорит Пушкин своему другу Чаадаеву, и это звучит, конечно, как высшая похвала. Вспоминает Брута Пушкин и в стихотворении «Кинжал», написанном несколько позднее (в 1821 г.), уже во время ссылки, на юге. В этом стихотворении Пушкин прямо высказывается за террор.

«Кинжал» посвящен немецкому студенту Занду, который убил реакционера и гаспителя свободной мысли, писателя Коцебу, и был за то казнен. И вот Пушкин воспевает кинжал:

Свободы тайный страж, карающий Кинжал,
Последний судия позора и обиды,
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд.

[1]) Подчеркнуто мною. *П. Ф.*

[2]) Латинские слова «республика» в переводе на русский язык и значат буквально: «дело общее» или «общественное».

Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.
Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет,
Среди своих пиров.
Везде его найдет удар надежный твой—
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной...

Опять вспоминает Пушкин убийство Юлия Цезаря, вспоминает, как—

... Брут восстал вольнолюбивый,

и заканчивает стихотворение восторженным гимном террористу Занду:

Свободы мученик, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.
В Твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе,—
И на торжественной могиле
Горит без «надписи кинжал»[1].

Русскому деспоту, верному исполнителю распоряжений самодержца, прославившемуся своей жестокостью—ген. Аракчееву, Пушкин желает участи Коцебу:

Холоп венчанного солдата,
Благослови свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата[2],
Иль смерти немца Коцебу.
(Эпиграмма «На Аракчеева», 1820 г.).

---

[1]) В стихотворении «Андрей Шенье» (1825 г.) Пушкин опять высказывает более умеренные взгляды. Эти колебания поэта характерны и для неустойчивых взглядов декабристов в вопросах революционной тактики.

[2]) Герострат—неудачливый «герой» древности, который для того, чтобы прославиться, разрушил замечательное произведение искусства.

Самому «венчанному солдату» Пушкин, по его словам, «всю жизнь подсвистывал».

Александр I—самолюбивый, эгоистичный, мелочный, трусливый и двуличный, говорящий одно, а делающий другое, человек, который мягко стлал, да жостко приходилось спать, но ловкий и хитрый политик, умевший нередко «очаровывать», прежде всего заслуживал насмешки, которая бы его развенчала, сорвала с него ореол величия, ореол «спасителя Европы», каким его прославили после благополучного для России окончания наполеоновских войн. Пушкин язвительно высмеивает Александра в стихотворении «Сказки» («Noël», т. е. «рождественская песенка»). Чтобы понять это стихотворение, надо иметь в виду, что после победы над Наполеоном Александр заключил с Австрией и Пруссией так наз. «священный союз», который справедливо называли «союзом царей против своих народов», так как он был гнездом европейской реакции. Тем не менее Александр время от времени еще либеральничал и в речи на открытии Польского сейма 15/27 марта 1818 г. туманно намекал о желании распространить «законосвободные», т. е. конституционные, учреждения на всю Россию. Этим обещаниям, конечно, мало кто верил; даже умеренный князь П. А. Вяземский относился к ним весьма скептически. И вот Пушкин «приветствует» возвращение Александра I в Россию—в тонах традиционной шутливой рождественской песенки:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот,
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука русский царь».
Царь входит и вещает:
«Узнай народ российский,

Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир,
О, радуйся народ, я сыт, здоров и тучен,
Меня газетчик прославлял—
Я ел, и пил, и обещал—
И делом не измучен...

На радостях царь обещает разные «милости» народу:

Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову[1] дам отставку
А Соца[2]—в жолтый дом[3],
Закон постановлю на место вам Горголи[4]
И людям все права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли».

Услыша такие обещания—

От радости в постели
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле,
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай, бай, закрой свои ты глазки:
Пора уснуть бы наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»

«В самом деле»—оказалось совсем не то; вместо «законосвободных учреждений», Россия вступила в полосу мрачной реакции—эпохи аракчеевщины. Александр все более и более увлекался военщиной, были организованы знаменитые военные поселения, порядки в которых водворялись жесточайшей поркой, казнями, варварским проведением «сквозь строй», шпицрутенами и т. п. мерами. Александр, вместо кон-

---

1) Лавров—директор департамента полиции.
2) Соц—секретарь комитета цензуры.
3) «Жолтый дом»—сумасшедший дом.
4) Горголи—петербургский обер-полицмейстер.

ституции, обсуждал теперь проекты новой формы для войска, проводил время на парадах и смотрах, жестоко наказывая измученных солдат за малейшее упущение, заставляя вспоминать об ужасных временах своего отца. Эту страсть Александра к военщине Пушкин также высменвал. Ему приписывают, напр., такую эпиграмму:

Желали прав они; права им и даны:
Из узких сделали широкими штаны.

Или:

Хотел издать Ликурговы законы[1]—
И что же издал он? Лишь кант на панталоны.

Исполнителю царской воли, Аракчееву, не раз доставалось от поэта. Одна эпиграмма уже приводилась выше. Вот другая:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета[2] он учитель,
А царю он – друг и брат;
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести—
Кто ж он, «преданный без лести[3]»?
Просто—фрунтовой солдат.

Кроме Аракчеева, «друзьями» царя были еще всевозможные мистики и «духовные отцы». Александр, имея поверхностное образование, был человеком религиозным и суеверным. Косвенное участие в убийстве своего отца мучило его, и он боялся загробной кары. В последние годы он усиленно молился и с почтением принимал различных «святых отцов». Особен-

---

[1]) Ликург—древнегреческий законодатель.

[2]) Имеется в виду Государственный Совет, который никакой самостоятельности не имел, и слушался всех приказаний царя, проводимых через посредство Аракчеева.

[3]) Слова «Без лести предан» были написаны на гербе Аракчеева.

ным успехом пользовался известный тогда архимандрит Фотий, грубый фанатик, в то же время довольно ловко обделывавший земные дела, и умеющий курить фимиам власть имущим.

На этого Фотия Пушкин написал знаменитую эпиграмму, великолепно его охарактеризовав:

Полу-фанатик, полу-плут,
Его орудием духовным —
Проклятье, меч, и крест, и кнут;
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,
Полу-благих, полу-святых.

Фотий пользовался особой славой у аристократических дам, которые, на подобие «евангельских жон», всячески служили «именем своим» новоявленному «святому». Картина знакомая. То же самое мы видели и в недавние времена вокруг всяких Иоаннов Кронштадских. Илиодоров, Распутиных и т. п. Особым усердием отличалась графиня Орлова-Чесменская, которая тратила на Фотия и его монастырь коллосальные суммы и услуживала «святому отцу» вплоть до того, что снимала с него грязные сапоги и целовала его ноги. Пушкину приписывают такую эпиграмму, высмеивающую Орлову:

Благочестивая жена,
Душою богу предана,
А грешной плотию—
Архимандриту Фотию...

Так Пушкин клеймил царя и его приближонных.

За эти стихотворения он подвергся административной каре: был выслан из Петербурга в мае 1820 года на юг.

Когда в руки Александра попала ода «Волность»— он страшно возмутился. Вероятно, особенно неприятно было ему читать подробное и яркое описание убийства Павла, о чем строжайше было приказано молчать

(официально сообщалось, что Павел умер «скоропостижно—от удара»). Говорят, что на первых порах Александр хотел расстрелять Пушкина, или, по крайней мере, заточить его в одной из монастырских тюрем. Поэта немедленно вызвали к генерал-губернатору, графу Милорадовичу. Пушкин заявил ему, чтобы у него на дому стихов не искали—все уничтожено, «но все они вот здесь», сказал поэт, указывая себе на голову. Попросил бумаги и чернил и, просидев за столом несколько часов, написал целую тетрадку противоправительственных стихов, отметив, которые сочинены им и которые лишь приписываются ему. Говорят, что Милорадовичу понравилась эта смелость и откровенность Пушкина, и он, не придавая стихам особо серьезного значения, объявил ему от имени царя прощение. Александр был очень недоволен такою поспешностью Милорадовича, но брать назад «прощенье» было уже неудобно. К тому-ж за Пушкина просили и «ручались» такие влиятельные люди, как Карамзин и Жуковский. Дело ограничилось ссылкой. Куда делась написанная Пушкиным тетрадь со стихами—неизвестно. Повидимому, в ней были стихи и не дошедшие до нас. Но и те, которые сохранились, с достаточной яркостью показывают, какие смелые удары наносил молодой поэт самодержавию, и как велико было значение этой стихотворной агитации.

По второму пункту программы декабристов—по вопросу о крепостном праве—Пушкин также агитировал. Правда, он написал всего лишь одно стихотворение, посвященное положению крестьянства. Это объясняется, вероятно, тем, что, оторванный в детстве от деревни, юноша-поэт мало знал крестьянскую жизнь в это время.

По окончании лицея, он впервые уже взрослым юношей побывал в деревне, и то, что он, приехавши туда, в качестве «барина», увидел,— повергло его в ужас. Об этом он и поведал в знаменитом стихотворении «Деревня» (1819).

Стихотворение распадается на две части. В первой поэт рисует привлекательную картину, которая расстилается перед его взором в деревенской тиши, приветствует «пустынный уголок», где, казалось бы, так хорошо и отдыхать, и предаваться «творческим думам». Но эти благодушные настроения помещика сейчас же сменяются у него гневными мыслями свободомыслящего демократа, ненавидящего рабство:

...Но мысль ужасная здесь душу омрачает,—
говорит поэт,—
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить
Дворовые толпы измученных рабов.

И, полный гражданского пафоса, поэт восклицает:

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?...

Заканчивается стихотворение словами, в былое время столь знаменитыми:

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Нам сейчас несколько режут слух слова: «по манию царя». Мы знаем, что трудящиеся получают свободу, лишь когда они за нее б о р ю т с я, а не по милости господствующих классов и не «по манию царя».

Но при тогдашнем состоянии нашего крестьянства, при тогдашнем развитии хозяйства и культуры в России трудно было верить, что крестьянство само сумеет сбросить с себя иго помещиков, а тем более о р г а н и з о в а т ь в л а с т ь на новых началах. Кроме того, и классовая психология Пушкина-дворянина сказывалась в этих словах. Он не мог не понимать, что крестьянское восстание смело бы помещиков— память о Пугачове была еще жива. Народный бунт Пушкин считал «бессмысленным и беспощадным», как он однажды выразился. Неудивительно, что желания его сводились к мысли о необходимости отменить крепостное право и улучшить положение крестьян «сверху», путем законодательного акта правительства. Таким образом, мы и тут видим характерную для передового дворянства той эпохи умеренность, вполне отвечающую и стремлениям декабристов, которые тоже менее всего думали поднимать крестьянские массы на восстание, мечтая захватить власть в центре и затем уже действовать мирным законодательным путем.

Но тем не менее данная поэтом гневная характеристика крепостного рабства звучала очень революционно. Неудивительно, что стихотворение это пользовалось большим успехом, а правительство его запрещало печатать целиком—даже некоторое время п о с л е освобождения крестьян.

Характеризуя свои заслуги в предсмертном стихотворении—знаменитом «Памятнике», Пушкин сказал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу...

Так читается в окончательном тексте, но первоначально поэт написал: «что вслед Радищеву восславил я свободу». Радищев, знаменитый революционный писатель екатерининского века, автор конфискованной книги «Путешествие из Петербурга в Москву», пламенно протестовал против самодержавия и крепостничества. Книгу его Пушкин читал еще в юные годы и имел полное право считать себя последователем и учеником Радищева. Самый ход мыслей в «Деревне» напоминает многие рассуждения Радищева, который, описывая плодородье и приволье поместья, неминуемо приходит к «горестному сознанию», что «ниву селянин возделывает чужую и сам, увы, чужд есть» (т. е. сам себе не принадлежит, будучи рабом, собственностью барина). В словах Пушкина: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает» слышится подлинно Радищевская нота. К слову сказать—все декабристы также очень ценили Радищева, считая его своим предшественником и учителем.

Третий пункт программы декабристов—распространение просвещения—также был крайне близок Пушкину. В деревне его угнетает не только крепостное право, но и «невежества губительный позор», он мечтает о наступлении «свободы просвещенной».

Время, когда это писалось, было крайне неблагоприятно для развития просвещения в России. В первые годы Александровского царствования в области распространения просвещения было кое-что сделано—был открыт ряд новых учебных заведений, стали

в большем количестве выходить книги, журналы, в которых дозволялось даже обсуждать вопросы государственного переустройства, но в эпоху реакции правительство всеми силами старалось свести на нет все сделанные уступки. Просвещение и литература подверглись беспощадному и дикому гонению. Наука считалась чем-то крамольным и зловредным. Грубые изуверы и мракобесы, вроде знаменитого Магницкого, старались искоренить из наших университетов всякие следы настоящего научного мышления, требуя, чтобы «вузы» подготовляли благочестивых и послушных начальству чиновников. При этом особенно напирали на благочестие и на то, что наука ведет к неверию.

> Время уже вникнуть в цель правительства,—писал с цинической откровенностью Магницкий в одной из своих записок,—которое хочет и хочет непреоборимо положить единым основанием народного просвещения —благочестие. Начальство требует военных и гражданских чиновников благочестивых: ученость же, без веры в бога откровенного, не только не нужна ему, но и почитается им вредною.

Приехав ревизовать Казанский университет, Магницкий с ужасом убедился, что есть студенты, которые не знают десяти заповедей[1].

> Каким образом,—писал он,—мог студент, не имеющий достаточного понятия о заповедях, быть студентом? Каким образом г. г. экзаминаторы пропустили в святилище науки людей, не знающих краткого катехизиса? Разве забыли они, что почти вчера, недалеко от этого самого университета пылали дома и храмы столицы нашей, зажженные пламенем так называемого просвещения[2].

---

[1]) Речь идет о библейских «десяти заповедях» так называемого «Моисеева закона».

[2]) Намек на пожар Москвы, сгоревшей при нашествии французов. Французы в то время были символом революции. Наши реакционеры наивно полагали, что причиной французской революции были просвещение и литература, в особенности, произведения Вольтера и других писателей и философов.

В истинный трепет пришол Магницкий от анатомического зала—«тела христианские», вместо того, чтобы быть преданными «священному погребению»—подвергались там, по его мнению, «поруганию», какого и «язычники» не допускали. Магницкий приказал немедленно похоронить все трупы и препараты и заявил, что медицину можно изучать на манекенах и платках. В результате ревизии он предлагал «публично из орудий» разрушить самое здание университета, «сего прибежища разврата, неверия и лжемудрия». Но Магницкий, что называется, уже пересолил—бомбардировать здание Казанского университета не сочли нужным, ограничившись лишь внутренним разгромом тех слабых ростков науки, которые имели тогда место как в Казани, так и в других университетах. Непокорные профессора были уволены (в том числе и Куницын, учитель Пушкина), некоторые отданы даже под суд за «вредную» пропаганду среди студенчества. Тем, которые оказались послушны, начальством были преподаны особые инструкции, по которым, напр., профессор истории должен был излагать древнюю историю от «сотворения мира» по библии, новейшую историю «преподать кратко»; излагая русскую историю, должен был доказывать, что «Россия предупредила европейские государства своим развитием» и останавливаться преимущественно на «истории дома Романовых», отнюдь не упоминая о жестокостях царей, о новгородском вече, о народных бунтах и т. д. Профессор физики должен был «во все продолжение курса указывать на премудрость божию и ограниченность наших чувств», а все вместе—более всего насаждать в студентах «преимущественно добрую нравственность и христианское благочестие».

Самое печальное было то, что все это почти никого не возмущало. За немногими исключениями профессора ловко подделывались под веления на-

чальства. Профессор медицины в Московском университете Мудров вывесил в своей приемной расписание, «каким святым и от какой болезни надо служить молебны». А один из Казанских математиков проф. Никольский читал лекции в таком духе:

> Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая бога и человеков, соединившего горнее с дольним, небесное с земным.

Большего издевательства над наукой трудно себе представить... Но это гонение на науку было вполне в духе тогдашнего дворянского общества, невежественного и некультурного, вполне довольного своим положением и потому боящегося всяких перемен и особенно свободолюбивых рассуждений. Лишь небольшой слой передовой, частью дворянской, частью демократически-буржуазной молодежи, в том числе и декабристы, конечно, возмущались этими безобразиями и мечтали о развитии подлинного просвещения.

Жестоким и часто даже бессмысленным гонениям подвергалась и литература. Цензура неистовствовала, переходя всякие границы разумного. В самых невинных вещах видели преступления против «веры, нравственности и государственного устройства». Всякие намеки на положение крестьян признавались недопустимыми. Целый ряд произведений запрещался вовсе. Даже такие консервативные писатели, как Карамзин и Жуковский, возмущались строгостями цензуры. Особенно прославились цензора: Тимковский, Бирюков и Красовский. Этот последний, напр., запретил книгу, в которой говорилось о вреде для здоровья грибов—на том основании, что грибы—постная пища, рекомендуемая «святою церковью». Весною 1823 г. во время «великого поста», когда ему прислали на разрешение очередной № журнала «Сын отечества», то он обратил внимание на переводное стихотворение о некоем

трубадуре, который «пал жертвою страсти». И благочестивый цензор написал такую резолюцию:

> Теперь сыны и дщери церкви молят бога с земными поклонами, чтоб он дал им дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви (совсем другой, нежели какова победившая француза-рыцаря). Надеюсь, что и почтенный сочинитель прекрасных стихов не осудит цензора за совет, который дается от простоты и чистого усердия к нему.

Совет заключался в том, чтобы отложить печатание этого романса до окончания «великого поста».

Когда же на глаза цензора попалось другое любовное стихотворение поэта Туманского с датой: «марта 9,1823», то цензор уже рассердился, зачеркнул стихи и написал:

> 9 марта 1823 г. в один из первых дней великого поста весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой, когда говорят о материнской любви и смерти. При том «Сын отечества» читают люди степенные и даже особы духовные.

Но верхом цензурных нелепостей являются замечания того же цензора по поводу стихотворения поэта Олина «Стансы к Элизе». Они возмутили цензорское целомудрие уже без всякого отношения к «великому посту», или какому-либо иному торжественному моменту. Поэт называл улыбку своей Элизы «небесной». Цензор пишет: «Женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесной». Слова поэта: «Молча на тебе покоить взоры» цензор находит «двусмысленными». По поводу строки: «О дева милая, ты поняла, чего душа моя искала» – цензор замечает: «должно сказать, чего именно, ибо здесь дело идет о душе». Поэт говорит далее, что ему нежный взгляд девы дороже внимания всей вселенной. Цензор замечает: «слишком сильно сказано, к тому же во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием коих дорожить должно». Поэт далее пишет,

что желает наслаждаться любовью Элизы «в тиши пустынных стран». Цензор замечает: «таких мыслей развивать не должно: это значит, что автор не хочет продолжать службы государю, чтобы всегда быть с любовницей, а сверх того к блаженству можно приучиться только близ евангелия, а не близ женщины». На слова поэта—«О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать»—цензор вопрошает: «что же останется богу»? Строчка:—«У ног твоих порой для песен лиру строить» вызывает гневную реплику цензора: «слишком грешно и унизительно для христианина сидеть у ног женщины».

Конечно, стихотворение было запрещено. Все это, говоря словами поэта, «было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Писать буквально ни о чом было нельзя. Литература ушла в подполье. Писатель никогда не мог быть уверен, не совершил ли он преступления против устава о цензуре, не найдут ли у него чего-либо противного вере или нравственности.

Не мало огорчений причинила цензура Пушкину. В таком «невинном» произведении, как «Кавказский пленник», не говоря уже о том, что были исключены строки о свободе:

Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире и пр.,

но даже такие строки, как:

Немного радостных ночей
Судьба на долю ей послала—

признаны были безнравственными, и цензор переделал их так:

Немного радостных е й д н е й
Судьба на долю ниспослала.

Так и было напечатано. Пушкин, конечно, возмущался:

—Зарезала меня цензура,—писал он Вяземскому.—Я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать «ей дней» в конце стиха. Ночей, ночей, ради

Христа, ночей судьба на долю ей послала! То ли дело: ночей, ибо днем она с ним не видалась. И чем же ночь неблагопристойнее дня? Которые именно из 24 часов противны духу нашей цензуры?..

Горячий сторонник просвещения, писатель, стремящийся «глаголом жечь сердца людей», Пушкин необычайно ценил печатное слово и возможность пользоваться им для защиты угнетенных, для пропаганды свободы и просвещения. И вот, находясь в изгнании, рискуя навлечь на себя новые кары, Пушкин пишет свое знаменитое «Послание к цензору» (первое). Он рисует идеал разумного «цензора-гражданина», который

...должен ум иметь прямой и просвещенный;
...мненья не теснит и разум терпит он,
Блюститель тишины, приличия и нравов...
...Полезной истине путей не заграждает,
Живой поэзии развиться не мешает;
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив...

Но таких идеальных цензоров у нас не бывало. Наш удел—Тимковские, Бирюковы, Красовские и им подобные. И вот к такому «российскому цензору вообще» Пушкин и обращается со своим язвительным словом:

А ты, глупец и трус! что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты чорным белое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилем, поэзию—развратом,
Глас правды—мятежом, Куницына—Маратом.

Ни о чом серьезном писать нельзя.

Остались нам стихи, поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.

(Пушкин не предвидел, что через год после написания этих строк будут взяты под сомнение даже и «любви невинные мечты»!).

Цензурные строгости привели к тому, что все наиболее значительные произведения, в том числе, конечно, и противоправительственные стихи Пушкина, распространялись путем переписывания, что приковывало к ним, как к «запрещенным», естественно, особое внимание[1].

Пушкин поэтому совершенно основательно считает строгую цензуру в тогдашних условиях просто бессмысленной:

Чего боишься ты, — обращается он к цензору, —
Поверь мне, чьи забавы—
Осмеивать закон, правительство и нравы,
Тот не подвергнется взысканию твоему
Тот не знаком тебе—все знают почему,
И рукопись его, не погибая в Лете[2],
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков[3] шутливых од к тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали,
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь! и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов[4] не вредный человек.

Пушкин справедливо видит в цензурной политике 20-х годов шаг назад по сравнению с тем, что было

---

1) И таким образом распространялись не только мелкие стихи, но и такие вещи, как знаменитая комедия «Горе от ума», которая была переписана в нескольких тысячах экземпляров; переписывалось даже и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, при чом за одно прочтение этого произведения платили по 25 рублей.

2) Лета—мифическая «река забвения»; «погибнуть в Лете» значит: быть всеми забыту.

3) Барков—талантливый стихотворец, живший в середине 18 века, прославившийся сочинением скабрезных, грубо-эротических, нецензурных стихотворений.

4) Третьестепенный писатель того времени, писавший чувствительные произведения.

раньше — в первые годы царствования Александра и Екатерины II.

Скажи, читал ли ты Наказ Екатерины[1],—спрашивает он цензора,—
Прочти, пойми его, увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем;
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной[2]
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица[3].
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры[4].
Хемницер истину с улыбкой говорил[5].
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил[6]
Киприду[7] иногда являл без покрывала—

---

[1]) «Наказ», написанный Екатериной II для руководства собранной ею комиссии по составлению нового уложения, в которой тогда видели зародыш парламента. «Наказ» был составлен в либеральном духе, на основании просветительных идей 18-го века, и рекомендовал признавать различные «свободы» и «права».

[2]) «Сатирик превосходный» — знаменитый писатель Фонвизин; «комедия народная»—его пьеса «Недоросль», изображающая невежество и грубость дворянства той поры.

[3]) Кутейкин—одно из действующих лиц комедии «Недоросль» — дьячок. Пушкин хочет сказать, что современный цензор пришол бы в такой же ужас, увидав на сцене «духовную особу», да еще в смешном виде, как если бы был высмеян не дьячок, а сам Иисус Христос.

[4]) Державин — знаменитый поэт екатерининских времен. В своих хвалебных одах он часто прибегал к любопытному приему—описывал недостатки, которых н е т у предмета его восхваления, и таким образом, вместо оды, порою получалась довольно сильная и едкая сатира на придворных; таковы, напр., его ода «Фелица» и особенно «Вельможа».

[5]) Хемницер—баснописец екатерининских времен.

[6]) «Наперсник Душеньки»—поэт Богданович, написавший поэму «Душенька», в которой были довольно эротические места.

[7]) Киприда—то же, что Афродита, Венера,—богиня любви и женской красоты.

И никому из них цензура не мешала.
Ты что же хмуришься? Признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они [1].

В заключение Пушкин язвительно подчеркивает, что у цензора нет никаких убеждений, лишь только одно стремление угодить начальству,—а у него вкусы изменчивые,—цензор же «бедный человек, к тому-ж жена и дети», и заключает стихотворение такой шуткой:

Жена и дети, друг, поверь,—большое зло:
От них все скверное у нас произошло!
Но делать нечего! Так если невозможно
Домой тебе скорей убраться осторожно
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря...

Это стихотворение имело также большое агитационное значение.

Нельзя не упомянуть еще и о знаменитой поэме Пушкина «Гавриилиада», в которой он с большою для того времени смелостью трактовал в шутливом и игривом стиле евангельскую легенду о «благовещении», показывая, что к так называемому «священному писанию» необходимо относиться, как к произведению чисто литературному, допускающему вольные переложения и пародии на него. Впоследствии Пушкину даже пришлось отказаться от этого произведения, так как по поводу его возникло дело, которое кончилось бы гибельно для Пушкина, если бы его авторство было доказано. Но сама эта поэма, распространяемая также посредством списков, сослужила немалую пользу в деле освобождения от религиозного дурмана, подрывая авторитет церкви и «святость» писания.

---

[1]) Пушкин хочет сказать, что Бирюков, или Тимковский наверняка запретили бы и «Недоросль» Фонвизина, и оды Державина, и стихи Хемницера или Богдановича.

Все противоправительственные стихи Пушкина пользовались среди либеральной молодежи, особенно среди военных, широким распространением, и влияние их было огромно.

> Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его (т. е. Пушкина) «Деревня», «Ода на свободу», «Ура, в Россию скачет»... и другие мелочи в том же духе, — говорит Пущин.—Не было живого человека, который не знал бы его стихов.
>
> В то время не было ни одного, сколько-нибудь грамотного прапорщика,—пишет декабрист Якушкин,— в армии, который не знал бы революционных стихов Пушкина наизусть.

О влиянии стихов Пушкина говорит и Жуковский.

> Наши отроки,—писал он Пушкину... познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии, мыслями, ты уже многим нанес вред неисцелимый...

Жуковский был «верноподданный» консерватор, участников декабрьского восстания он впоследствии называл не иначе, как «сволочью» — поэтому с его точки зрения, конечно, революционные стихи Пушкина приносили «вред», но самое свидетельство о их распространении и заразительно-агитационном воздействии, конечно, от того не менее ценно.

Наконец, отмечу еще один характерный факт. Члены тайных обществ не только обсуждали планы преобразований и готовились к восстанию, они считали своей обязанностью и личным примером показывать, как надо честно и самоотверженно исполнять свои гражданские обязанности или «служить отечеству», как они тогда говорили, на любом поприще. Все офицеры-декабристы старались относиться к своим подчиненным возможно мягче, гуманнее, не прибегать к строгим и особенно несправедливым наказаниям, они даже заботились о просвещении

солдат. По тем временам, когда армия держалась на жесткой палочной дисциплине, когда обычно дворяне-офицеры не считали солдат за людей — это производило огромное впечатление. Солдаты искренно привязывались к своим необычайным командирам, чем, между прочим, объясняется, в значительной степени, и то, что декабристам так легко удалось увлечь своих подчиненных солдат на восстание. Вполне сознательного отношения к выступлению у солдат не было, но они слепо верили своим командирам и шли за ними.

Декабристы «штатские» поступали на «гражданскую» службу, стараясь показать, что можно быть чиновниками честными, заботящимися о благе населения, а не о своем кармане, как в то время обычно было. Господствующий класс содержал своих слуг в «чорном теле» и относился к ним с презрением. Поступить дворянину, напр., в судьи считалось в то время столь же неприличным и позорным, как в начале XX века сделаться полицейским сыщиком или шпионом. И вот Пущин, бросая вызов этому укоренившемуся взгляду, занимает именно должность судьи (сначала он хотел поступить даже в полицейские надзиратели) и к изумлению всех начинает вести дела «по совести», в то время как обычно судьи тогда без взяток и подкупов ничего не делали.

Пушкин приветствовал это «служение» Пущина и оказал ему тем дружескую, столь ценную для него, поддержку. В стихотворении «19 октября» (1825 г.) он посвятил ему такие строки:

... Поэта дом опальный,
О, Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.....
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в глазах общественного мненья
Завоевал почтение граждан...

Таким образом, ясно, что идеи декабристов были и идеями Пушкина. Не входя в тайное общество, он «действовал, как нельзя лучше, для благой цели»—своими агитационными стихами. От непосредственного же участия в декабрьском восстании его удержала ссылка, чему нельзя, конечно, не радоваться—пользы делу своим пребыванием на Сенатской площади он бы не принес, а погиб бы наверняка, так как по самому своему характеру был бы в первых рядах и получил бы в лучшем случае каторгу...

3

После декабря 1825 г.

Весть о восстании быстро дошла до Пушкина. Как он к этому отнесся, что переживал он,—об этом можно лишь догадываться. Письменных документов почти не сохранилось. Опасаясь возможного ареста и обыска, особенно боясь, как бы не нашли в его бумагах каких-нибудь указаний на товарищей, он многое уничтожил, в том числе и свои дневники и записки, которые начал писать в Михайловском. Но чрезвычайно любопытны характерные отклики на казнь декабристов, оставшиеся в черновых тетрадях поэта. Накануне дня, когда до Пушкина дошла весть о совершившейся казни, он получил извещение о смерти Амалии Ризнич — женщины, которую он когда-то любил. Он написал ее памяти прочувствованное стихотворение и под ним кратко: «Усл. о см. 24», т. е. «Услышал о смерти 24 числа». На следующий день пришла весть о повешении пятерых вождей декабрьского восстания, и под записью о смерти Ризнич Пушкин пишет таинственные буквы: «У. о. с. Р. П.

Б. М. К. 25», которые, конечно, обозначают: «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Бестужева, Муравьева, Каховского, 25-го числа»...

И рука поэта нервно набрасывает тут же в тетради рисунок: крепостной вал, ворота, виселица и пять повешенных на ней...

Внизу страницы тот же рисунок. Вверху, около рисунка написано:

И я бы мог, как шут на...

Последние два слова читаются с трудом и зачеркнуты... Несколько пониже опять написано: «И я бы мог»...[1].

Видно, Пушкин не в силах был написать стихотворения памяти казненных товарищей, но показательна уж первая мысль, мелькнувшая у поэта: «И я бы мог, как шут»[2].... очевидно,—«быть повешенным»...

Время сглаживает всякое горе, с совершившимся фактом приходилось мириться. Задушенных рукой палача—не воскресишь, и естественно, что мысль Пушкина вскоре обращается к тем декабристам, которые остались в живых.

> Повешенные повешены — писал Пушкин немного спустя;—но каторга 120 братьев, товарищей, друзей—ужасна. Еще надеюсь на коронацию.

Пушкин наивно ждал от нового царя «милостей»... Горько ему пришлось в этом потом разочароваться, в том числе и на собственном опыте — солоны ему достались «царские милости»[3].

---

[1]) Фотографический снимок с этой страницы воспроизведен во II томе собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, стр. 527.

[2]) Повешение считалось позорной казнью, в отличие от расстрела и отсечения головы.

[3]) См. в книге П. Щеголева «Пушкин» статью «Николай и Пушкин» и главу «Муки великого поэта» в книге М. Лемке: «Николаевские жандармы и литература».

Дело декабристов было разгромлено. Но Пушкин не мог забыть о них и постоянно думал об их судьбе.

Когда жена декабриста Волконского Мария Николаевна, урожд. Раевская, к которой Пушкин чувствовал глубокую неразделенную любовь, вместе с другими жонами декабристов героически последовала за своим мужем в нерчинскую каторгу, поэт написал и послал с М. Н. Волконской свой стихотворный привет ссыльным героям, рискуя, конечно, очень многим— всякое сношение с декабристами строжайше каралось. Вот это знаменитое «Послание к декабристам» («В Сибирь»):

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье;
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Но счастью верная сестра
Надежда в мрачном подземелье
Возбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора:

Любовь и дружество для вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

В этом стихотворении характерно то, что Пушкин не только утешает декабристов надеждой на освобождение, намекая на возможную амнистию, которой он все время для них ждал, но и говорит о торжестве свободы, о предстоящей борьбе с самовластием, когда в руках освобожденных декабристов снова окажется «меч», разумеется, для того, чтобы направить его против деспотизма царя.

Стихотворение дошло до декабристов, воодушевило их, и один из них, поэт А. И. Одоевский, написал замечательный стихотворный ответ Пушкину:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, бард[1], цепями
Своей судьбы гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей,
И вновь зажжом огонь свободы,
И с нею грянем на царей
И радостно вздохнут народы...

Но Пушкин вспомнил о декабристах не только по случайному поводу, — он никогда не забывал об них и их деле. Правда, говорить открыто об этом было невозможно, и Пушкину постоянно приходится прибегать к намекам или иносказаниям, или к сокрытию своих мыслей. Так, в том же 1827 году он пишет иносказательное стихотворение — «Арион», излагающее легенду о древне-греческом певце Арионе, который после кораблекрушения спасся на дельфине. Содержание — как будто — «невинное», придраться к нему цензура не могла. Но для нас не может быть никакого сомнения в том, что Пушкин разумел в этом стихотворении декабристов и самого себя, как их «певца»:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине,

---

[1]) «Бард» — певец, поэт.

На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я—беспечной веры полн—
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял сналету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец!—
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Уцелев от «кораблекрушения», поэт видел свой долг в том, чтобы продолжать дело декабристов и петь «прежние гимны». Трудно было выполнить эту задачу. Твердыня самодержавия казалась несокрушимой. Силы революционеров были разбиты. Массы—глухо и упорно молчали. Каждый неосторожный намек на борьбу с самодержавием мог бы вызвать суровую кару. И Пушкину, как уже сказано, приходится прибегать к иносказаниям. Таково, напр., замечательное стихотворение «Анчар» (1828 г.), в котором изображается «древо яда», стоящее в пустыне. Все чуждаются этого дерева—и птица, и зверь. Но вот яд оказался нужен какому-то властелину. И—

... человека человек
Послал к анчару властным взглядом;
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями.

Принес—и ослабел, и лег
Под сводом шалаша на лыки
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Таким образом, в виде символической легенды Пушкин выразил свой протест против власти человека над человеком, против деспота, посылающего раба на смерть для своих корыстных целей. Огромный образ, живой и поныне, поскольку не сокрушена еще власть капитализма во всем мире, а вместе с нею—и власть человека над человеком.

Надо упомянуть и сказки Пушкина, особенно «Сказку о золотом петушке», в которой в смешном виде изображается царь и рисуется его гибель, вследствие любовного увлечения,—быть может, намек на любовные похождения Николая I, ухаживавшего, между прочим, как теперь выяснилось, и за женою Пушкина.

Характерны строки, которыми заканчивается сказка:

Сказка ложь, да в ней—намек,
Добрым молодцам урок.

Строки эти были вычеркнуты цензурой не только Николая I-го—но и... Николая II-го: когда на сюжет пушкинской сказки была написана нашим гениальным композитором Н. А. Римским-Корсаковым опера «Золотой петушок», то при исполнении ее на сцене приказано было заменить эти слова другими: царская цензура инстинктивно чувствовала, что сказка направлена против самодержавия и недаром боялась всяких «уроков» и «намеков».

Элемент сатиры против царско-дворянской Руси, благоденствие которой строил мужик, и которая держала этого мужика в чорном теле, можно видеть и в «Сказке о рыбаке и рыбке»[1].

Но если нельзя было бороться открыто против самодержавия, то против крепостного права борьба, хотя и осторожная, все же была возможна, и за нее берется Пушкин. Писать обличительные стихотворения, правда, было нельзя, да и трудно было что-

[1]) Мысль эта принадлежит тов. Демьяну Бедному. *И. Ф.*

либо прибавить к тому, что уже сказано было поэтом в «Деревне», но перед ним открываются большие возможности описания крепостного быта. И в этой области Пушкин сделал немало, продолжая тем борьбу декабристов против рабства.

Живя в ссылке в селе Михайловском в 1824–1826 г.г. и потом неоднократно бывая в своих имениях (кроме Михайловского—с. Болдино, Нижегородской губернии) Пушкин имел немало времени для наблюдения над тяжолым положением крепостного крестьянства.

Изображая жизнь дворянства в своем романе «Евгений Онегин», Пушкин все время не забывает о том крепостном фоне, на котором эта жизнь протекает. Барыня Ларина, мать Татьяны, на-ряду с различными невинными занятиями, как-то соленье грибов, мытье в бане по субботам—«вела расходы, брила лбы», т. е. отдавала в солдатчину чем-либо неугодивших ей рабов, а также «служанок била осердясь»...

Ларины — были помещики «добрые», никакими особыми зверствами не отличались, но по временам и у них жизнь крепостных превращалась в трагедию. Уже самое сопоставление того, чем занимались «господа» и их «холопы»,—характерно.

Таня написала Онегину любовное письмо. С волнением ожидая ответа своего возлюбленного, она выбежала в сад, упала «задыхаясь на скамью»; она ждет Евгения, терзаясь вопросом: «О боже! что подумал он», «она дрожит и жаром пышет», «и ждет нейдет ли?»—а тут же рядом—

В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели.
(Наказ, основанный на том,—поясняет Пушкин,—
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!) ..

Сколько презрительной иронии к рабовладельцам звучит в последних строках! В обстановке крепостного труда даже такая, по существу, легкая работа, как собирание ягод — превращалась в мучительный труд. Известны случаи, когда девушек заставляли петь до одурения.

Ярко выступает крепостной фон и в словах старушки няни, вспоминающей о своем прошлом:

... Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха;
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели,
И вот ввели в семью чужую...

Тринадцатилетнюю девочку выдавали замуж за 11—12 летнего мальчишку, конечно, потому, что в семье была нужна лишняя работница, чтобы выколачивать средства на свою жизнь и на содержание барина, — и недаром с плачем шла девочка «в семью чужую»: чувствовала она, что там ее заставят без разгиба работать, как взрослую, что будет она находиться под двойным рабством.

Эти строки были написаны еще до декабрьского восстания. После него Пушкин все более и более уделяет внимания крепостному праву и положению крестьян. Чего стоят хотя бы такие строки из «Шалости» (1830 г.)—одно из замечательнейших описаний нашей старой деревни, какое вообще сумела дать наша литература:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий;
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где-ж нивы светлые? Где темные леса?
Где речка? На дворе, у низкого забора,

Два бедных деревца стоят в отраду взора,—
Два только деревца, и то из них одно
Дождливою осенью совсем обнажено,
А листья на другом размокли и, желтея,
Чтоб лужу засорить, ждут первого Борея[1].
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок; за ним две бабы вслед;
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка,
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил:
Скорей, ждать некогда, давно б уж схоронил...

Но особо замечательны три прозаические произведения Пушкина, в которых его мысли неуклонно обращались к ужасам крепостного рабства.

В 1830 г., живя в Болдине, Пушкин пишет оставшуюся, к сожалению, неоконченной сатирическую «Историю села Горюхина»[2]. Прикрываясь именем вымышленного простодушного помещика Белкина, пожелавшего написать историю своей вотчины, Пушкин, под внешне-шутливым тоном (очевидно, он рассчитывал, что в таком виде цензура скорее пропустит это произведение и, быть может, для того и Белкина-то придумал), рисует кошмарные цены крепостного быта и деревенской темноты. Начинается повествование с описания «баснословных времен»:

> Основание Горюхина и первоначальное население оного покрыто мраком неизвестности. Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оного были зажиточны, что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому, на нескольких возах... Прикащика не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мирно, а жили припеваючи, и пастухи стерегли стадо в сапогах.

---

[1]) Борей—северный ветер. *Н. Ф.*

[2]) В старых изданиях печаталось: «Горохина», но это—бессмысленная и невежественно повторявшаяся опечатка.

Но эти легендарные времена прошли, наступили «времена исторические», о которых известно следующее:

> Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных... (которые), владея многими другими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом. (Потом) родовые имения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек — и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим.—Староста читал их на вече,—старшины витийствовали, мир волновался— а господа, вместо двойного оброку, получали скучные отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом.

Наконец «господам» это надоело. Они решили действовать энергичнее и прислали в Горюхино приказчика. Приехав «в самый день храмового праздника», он

> повелительным голосом потребовал старосту Трифона. Сей сановник находился в увеселительном здании —(«кабаком в просторечии именуемом»),—откуда двое старшин почтительно вывели его под руки. Незнакомец, посмотрев на него грозно, подал ему письмо и велел читать оное немедленно. Старосты Горюхинские имели обыкновение никогда сами ничего не читать. Староста был неграмотен. Послали за земским Авдеем. Его нашли неподалеку, спящего в переулке под забором—и привели к незнакомцу по просыпе. Но или от внезапного испуга, или от горестного предчувствия, буквы письма, чотко написанного, показались ему отуманенными, и он не был в состоянии их разобрать.— Незнакомец старосту Трифона и земского Авдея с ужасными проклятиями отослал спать, отложив чтение письма до завтрашнего дня.

Утром Горюхинцы собрались на сходку.

> Глаза их были мутны и красны, лица опухли; они, зевая и почесываясь, смотрели на человека в картузе и старом голубом кафтане, важно стоявшего на крыльце приказной избы.

Приказчик велел прочесть письмо барина и

произнес следующую краткую, но выразительную речь: «Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, народ избалованный; да я выбью дурь из ваших голов скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было, Горюхинцы, как громом поражонные, повесили носы—и с ужасом разошлись по домам.

Началось «правление приказчика»; он проводил такую «политическую систему», что «мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать ни накопить достаточно денег».

Бедных он отдал в батраки богатым и собирал с них двойной оброк.

В три года Горюхино совершенно обнищало... базар запустел, песни Архипа-Лысого умолкли. Половина мужиков была на пашне, другая служила в батраках; ребятишки пошли по-миру—и день храмового праздника сделался, по выражению летописца — (горюхинского дьячка),—не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного.

Приказчик же, доставляя барину требуемый оброк, не забывал и себя. Особые выгоды приносили «корыстолюбивому правителю» рекрутские наборы. Горюхинский летописец повествует об этом так:

Посадил окаянный приказчик Антона Тимофеева в железы—а старик Тимофей откупил сына за 100 руб.; а приказчик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 руб., и хотел окаянный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес — и приказчик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах—а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку пьяницу...

Пушкин хотел в дальнейшем описать жизнь Горюхина и под правлением самых бар, но не выполнил этого. «История» оказалась не доведенной до конца. Только в описании «исторических источников» дано несколько ярких штрихов—в виде записей на кален-

дарях, которые делал прадед Белкина. Записи эти следующие:

> 4-го мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6-го—корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8-го—погода ясная. 9-го дождь и снег. Тришка бит по погоде. 10-го Тришка за пьянство бит... и тому подобное... 11-го — погода ясная. Пороша; затравил трех зайцев...

Если к этому прибавить даваемое еще «этнографическое» описание Горюхина, изображение нравов и обычаев, обрядов и поверий, которые существуют в знаменитой вотчине Белкиных, то и неоконченная «История села Горюхина» окажется замечательным памятником, изображающим Николаевскую деревню, это «всероссийское Горюхино».

Другое замечательное произведение, посвященное изображению крепостного быта—повесть «Дубровский». В нем, прежде всего, выступает перед читателем с изумительной, скульптурной, яркостью очерченная фигура старинного русского барина Кириллы Петровича Троекурова. Заслуженный «генерал-аншеф» екатерининских времен, он жил в отставке в своем имении Покровском, жил богато и роскошно, типичным феодалом-самодуром, настоящим самодержавным царьком. Выше всего он считал свою волю, свою прихоть, преград которым он не знал и не желал знать.

> Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губернии, где находилось его именье. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернаторские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия, как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское.

Грубый и некультурный, Троекуров знал одни лишь грубые удовольствия. Среди них первое место занимали — обжорство, охота и разврат. Троекуров имел целый гарем из крепостных девушек, которых содержал в настоящем рабстве:

> Редкая девушка из его дворовых избегала сластолюбивых покушений пятидесятилетнего сатира. Сверх того в одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигель были загорожены деревянною решоткою, двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирилы Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени некоторых из них Кирила Петрович выдавал замуж, и новые поступали на их место.

Любопытно, что его крепостные крестьяне, с которыми он обходился «строго и своенравно», были, несмотря на то, «ему преданы».

> Они тщеславились богатством и славой своего господина и, в свою очередь, позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Крепостные отношения развращали не только рабовладельцев, но и рабов, воспитывали особую «рабью» психологию. Самое ужасное в крепостном праве, быть может, то, что иногда сами крепостные не видели в нем ничего ужасного. Так развращены были и крестьяне Троекурова и «позволяли себе многое» по отношению к другим крестьянам, зная, что Троекуров из-за своего барского гонора их в обиду не даст.

Но зато другие крестьяне, принадлежащие более бедным помещикам, ненавидели Троекурова до глубины души. Крестьяне Дубровского, у которого Троекуров беззаконно оттягал имение, сожгли чиновников, приехавших «вводить во владение» Троекурова, и пошли за своим барином, образовавшим разбойничью шайку.

Ненависть крестьян к Троекурову и к чиновникам, нарушающим требования элементарной справедливости в угоду всесильному помещику, очень ярко показана Пушкиным в знаменитой сцене сожжения дома Дубровского. Молодой Дубровский, не желая губить чиновников, справлявших пьяное веселье, приказал, поджигая дом, отпереть двери. Кузнец Архип, вместо того, пошол и, сказав про себя: «как не так, отопри»—запер двери.

В одну минуту пламя обхватило весь дом. Стекла трещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики приказных: «помогите, помогите». Красный дым вился над кровлею.

— Как не так,—сказал Архип,—с злобной улыбкой взирающий на пожар.

— Архипушка,—говорила ему Егоровна, — спаси их окаянных, бог тебя наградит.

— Как не так,—отвечал кузнец.

В сию минуту, приказные показались в окна, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

И тут же рядом, с изумительным мастерством психолога, Пушкин рисует такую сцену:

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь все ладно,—сказал Архип, каково горит—а? Чай из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть,—со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь, мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние.

— Чему смеетесь, бесенята — сказал им сердито кузнец,—бога вы не боитесь — божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь—и поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз.

Пушкин явно хотел этой сценой показать, что люди-звери, хладнокровно сжигающие своих врагов, оказывается вовсе не «звери»; наоборот, им свойственны самые нежные чувства, самые благородные, хотя, быть может, и примитивные, порывы; они способны на самоотверженне, даже по незначительному поводу. Суть в том, что социальные отношения так возмутительно-несправедливы, так резко разделили людей на враждебные классы, заставляя угнетаемых в такой степени ненавидеть угнетателей, что иногда самые мирные и добрые люди способны были обращаться в «зверей».

Особо замечателен конец повести. Отряд Дубровского, который грабил лишь богатых и не трогал бедных, окружон в лесу правительственными войсками. Силы неравны. «Разбойники» неминуемо будут уничтожены. Но симпатии читателя всецело на их стороне, на стороне Дубровского и его товарищей, ведущих своего рода «партизанскую войну», а не на стороне восстановлявших «порядок» царских войск. По существу — это прямая апология (восхваление) восстания против деспотизма и произвола. Цензура это прекрасно учла и вычеркнула этот финал «Дубровского».

Еще более замечательна повесть «Капитанская дочка» (1834-36). В ней Пушкин изображает пугачовщину. Многое в этом замечательном народном движении представляется Пушкину диким и ужасным, но тем не менее Пугачов изображон далеко не с одними только отрицательными чертами. Самое же важное—это то, что Пушкин прекрасно понимал социальную подкладку пугачовского движения. Он понимал, что сила Пугачова в том, что он обещает и дает народу волю, позволяет ему расправляться с помещиками, и сам казнит их. Самым замечательным местом «Капитанской дочки»

является глава, которую Пушкин вынужден был выпустить. В этой главе изображается бунт крестьян Гринева. Молодой Гринев едет, чтобы повидаться с родителями и невестой. Вот он уже в своей деревне:

> Лошади мчались во весь дух. Вдруг посреди улицы ямщик начал их удерживать — Что такое? — спросил я с нетерпением.— Застава, барин, — отвечал ямщик, с трудом сдерживая разъяренных коней. В самом деле, я увидел рогатку и караульного с дубиной. Мужик подошол ко мне и снял шляпу, спрашивая пашпорту.— Что это значит?—спросил я его.—Зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь? Да мы, батюшка, бунтуем,—отвечал он, почосываясь. — А где ваши господа? — спросил я с сердечным замиранием.
>
> — Господа то наши где?—повторил мужик.—Господа наши в хлебном амбаре.
>
> — Как в амбаре?
>
> — Да Андрюшка земский посадил, вишь, их в колодки—и хочет везти к батюшке-государю...
>
> Хлебный амбар находился во дворе. У запертых дверей стояли два мужика с дубинками. Телега остановилась прямо перед ними. Я выскочил и бросился прямо на них.—Отворяй двери! — сказал я им.—Вероятно, вид мой был страшен, по крайней мере, оба убежали, бросив дубины. Я попытался сбить замок с двери, выломать, но двери дубовые, а огромный замок несокрушим. В эту минуту молодой мужик вышел из людской избы и с видом надменным спросил меня, как я смею буянить.—Где Андрюшка земский, закричал я ему.—Кликнуть его ко мне! — Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, — отвечал он мне, гордо подбочась. — Чего надобно?...

Это чувство вдруг осознанного—на минуту ставшим свободным крестьянином—своего человеческого достоинства—в высшей степени примечательно. «Андрюшка» чувствует себя «Андреем Афанасьевичем» и начальством над своим бывшим барином. Проникнув в амбар, Гринев—

> увидел отца и мать. Руки их были связаны, — на ногах набиты колодки. Я спешил саблею разрезать узлы их веревок и вывести их из заключения, но, по-

дошед к двери, я нашол ее снова запертою.—Андрюшка, закричал я, отопри. — Как не так, отвечал из-за двери земский. Сиди-ка сам здесь. Вот ужо научим тебя буянить, да за ворот таскать государевых чиновников.

Амбар подожгли, и от гибели Гриневы спаслись только случайно — благодаря во-время подоспевшему отряду правительственных солдат, которые усмирили бунтовщиков. На другой день «крестьяне явились на барский двор с повинною». Барин их «простил» и послал на работу. «Мужики поклонились и пошли на работу, как ни в чом не бывало».

Не трудно тогда было превратить мужиков снова в рабов. Не умели тогда они еще, как следует, подняться за свою свободу. И крепко еще сидели в своих поместьях дворяне. Но не у всех кончалось так благополучно.

Немало дворян и погибло, как в пугачовщину, так и после. Характерно было и то, что волна социального протеста захлестывала не только наиболее жестоких помещиков, но и таких, как Гриневы, которые отличались сравнительно мягкостью и которым приходилось расплачиваться не столько за свои собственные преступления, сколько за грехи всего класса.

Впрочем, Пушкин умеет показать, как эти «добрые» господа обращаются со своими слугами. Чего стоит хотя - бы, напр., одно письмо барина к старику Савельичу, так беззаветно преданному своему господину и воспитаннику:

Стыдно тебе, старый пес, что ты, не взирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче, и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство молодому человеку.

Если так обходились со своими слугами «добрые» господа, то чего же было ждать от «извергов»!

И то, что Пушкин писал об этом как будто бы спокойно, как «беспристрастный» бытописатель, не протестуя, не взывая к человеколюбию—не обличая, —должно было производить особо сильное впечатление: сама правда, неприкрашенная, несгущенная глядела со страниц его произведений.

Создавая «Дубровского» и «Капитанскую дочку», Пушкин не только говорил о том, что крепостное право несправедливо и позорно, но и как бы хотел напомнить рабовладельцам (о том же говорил в свое время и Радищев), что крепостное право и не безопасно для них.

Интересно отметить, что в последние годы своей жизни Пушкин не раз обращается к Радищеву, самое имя которого (не говоря уж об его произведениях) в то время не полагалось упоминать в печати. В путевых записках, озаглавленных «Мысли в дороге» Пушкин пытается познакомить читателя с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева, приводя обстоятельные выписки наиболее ярких мест из книги Радищева. Ему же он посвящает и отдельную статью «Александр Радищев». Любопытно, что Пушкин местами полемизирует с Радищевым и осуждает его (между прочим, за его слог). По довольно вероятному предположению известного пушкиниста Якушкина, Пушкин, желая хоть как-нибудь напомнить о великом «враге рабства», позволил себе даже «покривить душой», осуждая Радищева. Быть может, кое в чом Пушкин, действительно, был несогласен с Радищевым, но уже самый факт, что Пушкин дважды обращался к Радищеву, написал о нем две статьи,—крайне показателен. В эпоху жесточайшего самодержавного гнета и разгула крепостничества, великий поэт считал нужным во что бы то ни стало напомнить о великом писателе-революционере и вместе с

тем о положении крепостных. Впрочем, старание Пушкина оказалось бесплодным: цензура не разрешила этих статей. Но для настроения Пушкина они, во всяком случае, очень характерны и хорошо объясняют, почему поэт в «Памятнике» первоначально сказал о себе, что «вслед Радищеву» он «восславил свободу».

Здесь нельзя не остановиться на иногда высказываемом мнении, будто Пушкин к концу жизни изменил своим взглядам, «поправел», при чом в подтверждение приводятся как раз некоторые места из упомянутых «Мыслей в дороге», особенно замечательный «Разговор с англичанином о русских крестьянах», в котором высказывается мысль, что положение русских крепостных лучше положения английских рабочих. Но толковать эти утверждения, вложенные Пушкиным в уста англичанина, нет никаких оснований. Самая мысль о том, что пролетарий в условиях капиталистического производства живет хуже, чем крепостной крестьянин, ничего реакционного в себе не заключает. Наоборот, она говорит лишь об изумительной широте кругозора Пушкина, который, в 1834-6 г.г., еще до Маркса, понимал многое такое, чего не понимали не только его современники, и что потом легло в основу нашего миросозерцания. Самый «Разговор с англичанином» столь замечателен, что приведу из него значительные выдержки.

> Строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе крестьянина:
>
> К тому-ж подушные, барщина, оброк!
>
> Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?
>
> Англичанин.—Английский крестьянин.
>
> Я.—Как! свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?

О н.—Что такое свобода?

Я.—Свобода есть возможность поступать по своей воле.

О н.—Следовательно, свободы нет нигде; ибо везде есть законы или естественные препятствия.

Я.—Так, но разница: покоряться законам, предписанным нами самими, или повиноваться чужой воле.

О н.—Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? Разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?..

...Вообще повинности в России не очень тягостны для народа: подушные подати платятся миром, оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленника умножает корыстолюбие владельца). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. И это вы называете рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простора действовать.

Я.—Но злоупотребления частные...

О н.—Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников—волосы встанут дыбом; вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой—какая страшная бедность! В России нет ничего подобного.

Я.—Вы не читали наших уголовных дел.

О н.—Уголовные дела везде ужасны. Я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, а не о злоупотреблениях, не о преступлениях: нет в мире несчастнее английского работника. Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять, десять народу, но лишающей их последнего средства к пропитанию...

Затем англичанин указал на опрятность смышленость и свободу в обращении русского крестьянина, на что Пушкин заметил:

> Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?
>
> О н.—Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?
>
> Я.—Не удалось!
>
> О н.—То-то. Вы не видали оттенков подлости, отличающей у нас один класс от другого... А продажные голоса, а уловки министерства, а поведение наше с Индией, а отношения наши со всеми другими народами!..

Последние строки можно было бы с успехом написать и сейчас—а ведь они написаны гениальным человеком почти с т о лет тому назад!

То, что говорит Пушкину англичанин относительно положения русского крестьянина, конечно, может вызвать известные возражения. Возможно, что англичанин недостаточно был знаком с Россией, судил о нашем крестьянине, главным образом, по северным губерниям, в которых оброчному крепостному жилось неизмеримо лучше, чем крестьянину барщинному, и где было много и н е к р е п о с т н ы х, а так наз. «государственных» крестьян,—но ведь все мысли англичанина вовсе не должны целиком приписываться Пушкину: он ведь все время в о з р а ж а е т своему собеседнику и у д и в л я е т с я его утверждениям, что русский крестьянин «свободен». Впрочем, ч а с т ь мыслей «англичанина» были, без сомнения, и мыслями самого Пушкина, так как он то же самое (слово в слово) говорит в главе XI от своего собственного лица:

> Взгляните на русского крестьянина,—пишет Пушкин,—есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна, проворство

и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaut[1], никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел собственного своего жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу он ходит в баню; умывается по нескольку раз в день.

Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мере распространения просвещения. Избави, меня, боже, быть поборником и проповедником рабства: я говорю только, что благосостояние крестьян тесно связано с пользою помещиков.—И это очевидно для всякого. Злоупотребления встречаются везде. Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества..

Последние слова лишь повторяют мысль пушкинской „Деревни“ о «рабстве, падшем по манию царя»—следовательно, нет никаких оснований говорить о какой-то измене Пушкина былым свободолюбивым взглядам, о каком-то его, «поправении». В возможность крестьянской революции Пушкин по-прежнему не верил. Опыт декабрьского восстания убедил его в безнадежности в данный момент мечтать о перевороте путем восстания. Но самая мысль о необходимости изменения социально-политического строя в России—по-прежнему заветная мысль Пушкина: «Избави меня, боже, быть проповедником и поборником рабства,»— пишет он.. «Конечно, должны

---

[1]) Розиня, зевака. *Н. Ф.*

еще произойти великие перемены»... Что иное могут значить эти слова, как не намек на необходимость отмены крепостного права и изменения социально-политического строя в России? Что же касается нарисованного выше образа русского крестьянина—смелого, смышленого и опрятного,—то говорить об этом в крепостную эпоху—вовсе не значило петь гимны существующему строю. Наоборот—эти слова можно было понять и так: несмотря на существующие порядки, русский крестьянин все-таки не раб—тем более он достоин свободы. Примечательны и указания Пушкина на «собственные» жилища крестьян. Помещики тогда были склонны считать не только своих крестьян, но и обрабатываемую ими землю и все их недвижимое и движимое имущество своею, помещичьею, собственностью. Пушкин был иного мнения: он считал собственниками крестьян. Нельзя также не принять во внимания и того, что Пушкин писал «Мысли в дороге», надеясь их напечатать, и потому должен был высказывать свои мысли осторожно и даже замаскированно. Поэтому вполне вероятна догадка В. Я. Брюсова, который пишет:

> Пушкин применяет... уловку: он приводит цитату из Лабрюера о французском крестьянине, надеясь, что читатели сумеют применить ее к русскому мужику: «Существуют некие дикие животные, самцы и самки, водящиеся в деревнях, чорные, бледные, сожжонные солнцем, привязанные к той земле, которую они роют и перерывают с непобедимым упорством. Они издают как бы членораздельные звуки и, когда встают на ноги, являют человеческое лицо; да и в самом деле это—люди. Ночью они прячутся в свои норы, где они питаются чорным хлебом, водой и кореньями. Они избавляют других людей от труда пахать, сеять и жать и заслуживали бы хотя того, чтобы не нуждаться в том хлебе, который они сами посеяли.

Единственно, что может показаться странным в приведенных выше рассуждениях Пушкина—это мысль,

будто «судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мере распространения просвещения». Это явно противоречило фактам. Но, быть может, Пушкин прибег тут к часто встречающемуся приему—изобразить желаемое в виде уже существующего. Быть может, он хотел сказать, что с распространением просвещения, с повышением культурности помещичьего землепользования, положение крестьян должно улучшаться, т. к. это выгодно для самих же помещиков.

Несколько наивными представляются нам и слова Пушкина об «изменениях», которые будто бы могут происходить «от одного улучшения нравов»—на самом деле бывает обратное—«нравы» изменяются и «улучшаются»—в результате социально-экономических и политических изменений—но... не можем же мы требовать от Пушкина марксистского понимания исторического процесса!

Разумеется, и общая характеристика крестьянства дана Пушкиным не с той точки зрения, которая была бы вполне приемлема для нас, а с точки зрения просвещенного и передового человека своего времени и своего класса, но—как бы то ни было, чрезвычайно характерно, что о судьбе крестьянина, о ненормальностях существующего строя, о неизбежных и желаемых «великих переменах», Пушкин не переставал думать и писать до конца своей жизни, тем самым продолжая дело декабристов и подавая руку позднейшим революционерам—борцам с самодержавием и крепостничеством.

В заключение остановлюсь еще на крайне характерной попытке Пушкина описать самое декабрьское движение в последней главе «Евгения Онегина».

Герой романа Пушкина вращается в той же среде, где и сам поэт. Он живет в той же свободолюбивой атмосфере, в которой создавались тайные обще-

ства и вырабатывались идеалы декабристов и Пушкина. Онегин ненавидит деспотизм. Приехав в деревню, Онегин «ярем барщины старинной»

Оброком легким заменил,
И раб судьбу благословил...

Но Онегин был молодым человеком, разочарованным и праздным, не способным ни на какое серьезное дело. После убийства на дуэли Ленского и длительного путешествия, Онегин возвращается уже вышедшим из юношеского возраста (ему 26 лет) в Петербург. Его охватывает сильное чувство к Татьяне. Отвергнутый ею, он остается ни с чем, в тоске и отчаянии. Этим оканчивается общеизвестный текст романа.

Но в воспоминаниях друзей поэта сохранились неясные намеки на то, что Пушкин написал еще одну главу. Долгое время о ней ничего положительного не было известно. Лишь несколько лет тому назад академику П. О. Морозову удалось найти среди собственноручных рукописей Пушкина лист с написанными на нем стихотворными строками, не имеющими никакой связи друг с другом. После внимательного изучения рукописи, удалось догадаться, в каком порядке надо читать эти нарочно перепутанные строки. Получились обрывки стихотворения. Можно считать с полной уверенностью, что это—отрывки из последней (X-ой) главы «Онегина» или недописанной, или написанной, но уничтоженной. В сохранившихся отрывках дается описание событий после 1812 года и начала декабрьского движения. Приведу наиболее цельные места.

Властитель слабый и лукавый
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара

Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
Гроза 12-го года
Настала—кто тут нам помог.
Остервенение народа,
Барклай[1], зима, иль русский бог.
Но бог помог—стал ропот ниже
И скоро силою вещей
Мы очутилися в Париже,
А русский царь главой царей..
...Россия присмирела снова.
И пуще царь пошол крутить,
Но искра пламени инова
Уже издавна может быть...
...У них свои бывали сходки
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки...
Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты[2]
У осторожного Ильи[2]...
Все это были разговоры
Между лафитом и клико,
Куплеты, дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов...
Друг Марса, Вакха и Венеры
Тут Лунин[3] дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...
Читал свои стихотворенья,
Казалось (Пестель?) обнажал
Цареубийственный кинжал.

---

[1]) Барклай де-Толли один из командующих русскими армиями в 1812 году. Ему принадлежит замечательный, выполненный потом Кутузовым, план завлечения Наполеона в глубь России.

[2]) Никита Мих. Муравьев, Илья Долгорукий—декабристы.

[3]) См. выше, стр. 28-ая.

Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Тургенев[1] им внимал,
И слово: рабство ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян...
Так было над Невою льдистой.
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина[2],
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли...

Вот—все, что можно прочесть более или менее связно, и что имеет отношение к декабрьскому движению. Тут много любопытного—и характеристика Пушкиным предварительных разговоров «между лафитом и клико», как довольно легкомысленных—так и вспоминается описанная Якушкиным сцена в Каменке—и несколько скептическое отношение поэта к надеждам на то, что «толпа дворян» может быть подлинной освободительницей крестьян. Как бы развернул Пушкин описание дальнейших событий—праздно гадать, но несомненно одно, что Пушкин хотел Онегина ввести в круг декабристов и, быть может, увенчать его венцом мученика-революционера. Разумеется, по самому своему характеру, Онегин не мог играть особо активной роли в восстании, но с горя, отчаявшись в личном счастьи, он с полной вероятностью мог оказаться в рядах декабристов и разделить с ними каторгу. Быть может, Пушкин хотел дать и ее описание,—ведь там, в «хладной пустыне

---

1) Н. И. Тургенев, декабрист; ему удалось бежать за границу и избежать кары. Впоследствии он написал знаменитую книгу «Россия и русские».

2) В с. Тульчине был южный штаб декабристов. Каменка—имение Раевских; см выше, стр. 16.

Сибири» жила когда-то им нежно любимая женщина Мария Раевская-Волконская[1]. Неудивительно, что и творческая мысль поэта влекла его туда[2]...

В последние годы жизни великий поэт много дум передумал. Многое предстало ему в ином свете. Он понимал, что, живя среди «николаевских жандармов», нет возможности и смысла вести прямую агитацию против самодержавия, что нет смысла «безумно противоречить общепринятому ходу вещей». Надежды свои он возлагал, главным образом, на просвещение масс, которому всеми силами хотел содействовать.

Западно-европейские события, революция 1830 г., польское восстание,—всем этим Пушкин чрезвычайно интересовался,—заставили его несколько разочароваться в самых идеалах буржуазного демократизма.

Незадолго до смерти он написал замечательнейшее и непонятое современниками произведение «Из Пиндемонте»[3], в котором явно чувствуется мысль о том, что парламентский строй не принесет народам счастья:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова—писал поэт,—
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура,
Все это, видите-ль, слова, слова, слова[4]...

---

[1]) Ей Пушкин посвятил свою поэму «Полтава».

[2]) Кто знает, быть может, Пушкин, предупредив некрасовских «Русских женщин», повел бы в Сибирь и Татьяну—ведь ее муж «родня и друг» Онегина—также легко бы мог оказаться среди декабристов. Быть может, описал бы новую встречу Евгения с Таней—«во глубине сибирских руд»...

[3]) Пиндемонте—итальянский поэт.

[4]) Подчоркнуто Пушкиным.

Либерально-буржуазная критика видела в этом признании проявление консерватизма Пушкина, чуть ли не «измену» былым идеалам свободы. Мы оценим их по-иному. Нам ясно, что Пушкин перерос своих современников на целое столетие. Мы вполне могли бы подписаться под той оценкой, которую Пушкин дает словесному потоку парламентских речей и «свободной» буржуазной печати («свободно морочит олухов»)... Недаром Пушкин скептически отнесся и к мыслям «толпы дворян» быть «освободителями крестьян»... Пушкин перерос декабристов и был ближе к нам, чем они. У него уже была мечта о той эпохе,

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...,

Но о своих прошлых связях поэт никогда не жалел, и в горделивой самооценке уверенно написал приведенные выше слова о себе, как о певце свободы в свой «жестокий век», свободы, которую он восславил «вслед Радищеву» и вместе с декабристами[1]...

---

[1]) Упомяну еще высказанные в последнее время догадки о связи с декабрьским восстанием «Медного Всадника» и «Египетских ночей» Пушкина. Первая мысль, принадлежащая Д. Благому, довольно заманчива. За год до того времени, когда на Сенатской площади стояли восставшие, угрожая твердыне «самовластья», на той же Сенатской площади бешено «бунтовали» волны, тщетно грозя гранитной столице.. Картина символическая... Быть может, и в бунте бедного чиновника Евгения против «горделивого истукана» имелся какой-либо намек на «бунт» декабристов, раздавленный самодержавием. Вполне вероятно, что подобные мысли могли быть у поэта при создании его поэмы, но, конечно, в целом замысел «Медного Всадника» гораздо грандиознее и сложнее. Вторая догадка, высказанная Л. Войтоловским, наоборот, никаких оснований под собой не имеет и говорит лишь о невежестве этого критика. Не говоря уже о том, что параллель между «любовью» декабристов к свободе и их гибелью, с одной стороны, и страстью любовников Клеопатры, покупавших ее тело ценою собственной жизни, с другой, крайне искусственная и натянутая, она невозможна и потому, что замысел «Египетских ночей», возник у Пушкина раньше декабрьского восстания.

Литература.

О декабристах.

Из старых работ, дающих наиболее полное описание декабрьского восстания на основании документов, можно указать книгу *В. И. Семевского* «Политические и общественные идеи декабристов».

Из историков, которые пытались вскрыть классовой смысл декабризма, первое место принадлежит *М. Н. Покровскому*; его работы: «Русская история», т. III, гл. XVI и XVII, «Декабристы»—«Записки Комуниверситета им. Свердлова, 1925 г., янв.; «Декабристы»—«Молодая Гвардия», 1923 г. № 4-5 и «Очерки по истории революционного движения в России», М., 1924.

Можно указать также работы *Г. Плеханова*—«14 декабря 1825 г.», ГИЗ 1921. и *Н. Рожкова*—«Декабристы», ГИЗ 1925.

Из популярных книжек: *К. Левин*—«Декабристы» М., 1918 и *Н. Дружинин*—«Кто были декабристы и за что они боролись», М., 1925.

О Пушкине и декабристах—есть статья (немарксистская) *А. Слонимского:* «Пушкин и декабрьское движение»—во II-м т. соч. Пушкина под ред. Венгерова.

См. также статью *В. Брюсова:* «Пушкин и крепостное право»—«Печать и революция» 1922, кн. 2 (5).

Моя книга: *Н. Н. Фатов.* «А. С. Пушкин. Научно-популярный очерк, ГИЗ, 1921 (некоторыми страницами которой я воспользовался для настоящей работы), написанная еще в 1913 г., в настоящее время во многом у с т а р е л а. Мною подготавливается к печати расширенное и совершенно переработанное 2-е издание этой книги.

Стихотворения Пушкина—революционного характера можно найти в лучших изданиях соч. Пушкина, каковыми являются:

1) Издание под редакцией С. А. Венгерова в 6-ти томах изд. Брокгауза и Ефрона. В этом издании имеется много вводных статей, обширные и ценные примечания к произведениям Пушкина; масса рисунков. В целом издание все-же устарело.

2) Издание Академии наук; вышли тт. I-IV и XI; ценны обстоятельные примечания.

3) Издание под ред. Морозова, изд. «Просвещение». Издание несколько устарело, революционные стихи приводятся с пропусками, но ценны примечания и вводные статьи.

4) Издание под. ред. В. Брюсова, т. I. Включает только лирические стихотворения. Революционные вещи вошли целиком. Даны краткие примечания.

5) Изд. под ред. Б. Томашевского и Халабаева, в 1-м томе, ГИЗ 1924 и след.

Под. ред. В. Брюсова изданы ГИЗ отдельно «Стихи о свободе». Упоминаемая в тексте «Гавриилиада» изд. отдельно под ред. Б. Томашевского; есть другие издания, в том числе и под ред. В. Брюсова.

См. также революционные и антирелигиозные стихи Пушкина и других его современников в кн. *В. Заводчикова* «Кинжал», под ред. и со вводной статьей примечаниями *Н. Н. Фатова*, изд. «Молодая Гвардия», 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие	3
1. Сто лет назад	5
2. Пушкин—певец декабризма	14
3. После декабря 1825 года	50
Литература	79

КНИГИ

того же автора.

1. Н. Н. Фатов. **Пушкин.** Научно-популярный очерк. М., 1921. ГИЗ Стр. 96. Тираж 20000 (разошлось). Подготовлено к печати 2-ое, радикально переработанное и расширенное издание.

2. Н. Н. Фатов. **Демьян Бедный.** Краткая характеристика творчества. Изд. «Молодая Гвардия». Пб.-М., 1923. Стр. 64. Тираж 5000 (разошлось). См. № 5.

3. Н. Н. Фатов. **Молодые годы Л. Андреева.** По неизданным письмам, материалам и документам. Изд. Зиф. М., 1924. Стр. 360. Тираж 3000. Цена 1 р. 75 к.

4. Проф. Н. Н. Фатов. **А. С. Неверов.** Очерк жизни и творчества. Изд. «Прибой». Л., 1925. Стр. 216. Тираж 4080. Цена 1 р. 60 к.

5. Проф. Н. Н. Фатов. **Демьян Бедный** Очерк творчества. 2-ое, расширенное и радикально переработанное издание. Изд. «Молодая Гвардия». М.-Л. 1927. Тир. 3000. Стр. 160. Цена 1 р. 70 к.

6. Н. Н. Фатов. **А. С. Серафимович.** Очерк жизни и творчества. ГИЗ М.-Л. 1927. Стр. 214. Тираж 3000. Цена 1р. 90 к.

7. Н. Н. Фатов. **И. С. Никитин.** Очерк жизни и творчества (печатается).

8. Н. Н. Фатов. **Современное состояние литературоведения в СССР** (печатается).

9. Н. Н. Фатов. **О Демьяне Бедном.** Пособие для изучения (печатается).

10. Проф. Н. Н. Фатов. **Научная схема русской литературы** (печатается).

Редактированные издания:

1. А. С. Неверов. Полное собрание сочинений. Тт. 1—7. Изд. Зиф (три издания) и 1 и 2 доп. тт., изд. «Современные Проблемы». Под редакцией, со вступительными статьями и примечаниями *проф. Н. Н. Фатова.*

2. Л. Андреев. Избранные рассказы. (Серия «Русские классики»). Под редакцией *Н. Н. Фатова и А. В. Луначарского.* М.-Л. 1926 (разошлось).

3. Альманах «Утро», I, М. 1927. Под редакцией *проф. Н. Н. Фатова.* Изд. авторов (склад издания «Московский Рабочий»).

4. Сборник «Кинжал». Революционные стихотворения Пушкина и его современников. Сост. В. Заводчиков. Под редакцией и со вступительной статьей *Н. Н. Фатова.* Изд. «Молодая Гвардия». М.-Л. 1927.

5. Собрание сочинений *И. Степного*, тт. 1, 2 и 3. Изд. ВОКП. Редакция и вступительная статья *проф. Н. Н. Фатова.*

6. Собрание сочинений *Л. Андреева* в 2-х тт., ГИЗ, под редакцией *Н. Н. Фатова*; с его вводными статьями и примечаниями (печатается).

Подготовляется к печати собрание сочинений проф. Н. Н. Фатова в XV томах:

Том I. Пушкин. Общедоступный очерк творчества. Изд. 2-ое радикально переработанное и расширенное.

Том II. Этюды о Пушкине. (Классовые корни творчества Пушкина. Пушкин и Руссо. Пушкин-лицеист. Перемудренный Пушкин—по поводу книги М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина». Венгеров—пушкинист. Дефинитивный текст ст-ия «19 октября» и другие статьи и заметки о Пушкине).

Том III. Этюды о русских писателях XVIII-XIX вв. (Литературные взгляды Крылова-журналиста. Сатирические журналы Екатерининской эпохи. Война в русской литературе, Веневитинов, Елена Ган, Белинский. Статьи о Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Островском, Никитине, Достоевском и др. писателях).

Том IV. Леонид Андреев. Очерк жизни и творчества.

Том V. Из жизни и переписки Л. Андреева. (Молодые годы Л. Андреева. Л. Андреев и А. Серафимович. Письма Л. Андреева к А. Измайлову и другие статьи и заметки о Л. Андрееве).

Том VI. Александр Блок. Очерк жизни и творчества. Этюды о творчестве Блока. Обзор литературы о Блоке.

Том VII. А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества, 2-ое изд. Классовые корни творчества Неверова и другие статьи и заметки о Неверове.

Том VIII. Из жизни и переписки А. Неверова. Письма, материалы, воспоминания о Неверове. Хронологическая канва жизни Неверова.

Том IX. А. Серафимович. Очерк жизни и творчества, 2-ое изд. Статьи и заметки о творчестве Серафимовича.

Том X. Демьян Бедный. Очерк жизни и творчества, 3-е издание. Статьи и заметки о Д. Бедном.

Том XI. Пант. Романов. Очерк творчества. Статьи и заметки о П. Романове.

Томы XII и XIII. Этюды о современных писателях. (Классификация современной русской литературы. Зачинатели: Ф. Шкулев, Е. Нечаев, Свирский, Березовский. О М. Горьком. Степной. С. Малашкин. А. Яковлев. С. Беляев. В. Кириллов. И. Уткин и др. статьи и заметки о современных писателях).

Том XIV. За марксизм и ленинизм в литературе. (О взглядах В. И. Ленина на пролетарскую культуру и литературу. О троцкизме в литературе. Верить или знать? О «четвертой позиции» Маяковского. О методологических взглядах проф. П. Н. Сакулина. Ответ на записки и другие статьи методологического, теоретического и полемического характера).

Том XV. На разные темы. Статьи об иностранных писателях. Статьи о театре и музыке. Статьи по вопросам педагогики и этики. Из воспоминаний.

...Центр.
...ТОРИЧЕСКАЯ
Библиотека